

ISSN 0132-2095

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 19

1981

Вадим ЛОБАЧЕНКО

РУССКИЕ ХАКИМЫ В ЭФИОПИИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 19

Вадим ЛОБАЧЕНКО

РУССКИЕ ХАКИМЫ В ЭФИОПИИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

Вадим ЛОБАЧЕНКО

Вадим Иванович Лобаченко родился в 1941 году в Кишиневе. В 1965 году окончил Московский государственный институт международных отношений, потом аспирантуру Института Африки Академии наук СССР. В. Лобаченко — кандидат экономических наук. С 1967 года работал на Всесоюзном радио. Неоднократно выступал со статьями в центральной периодической печати. В 1973—1980 годы — собственный корреспондент Гостелерадио СССР в Эфиопии и странах Восточной Африки. Ему удалось увидеть и описать в своих телерепортажах, корреспонденциях, статьях начало народной революции в Эфиопии, ее бурный прогресс в борьбе с происками внутренней и внешней реакции, развитие и укрепление дружественных связей между Советским Союзом и революционной Эфиопией. Все эти события легли в основу его повести в рассказах «Русские хакимы в Эфиопии».

В настоящее время В. Лобаченко — комментатор по международным вопросам Центрального телевидения СССР. В. И. Лобаченко — член КПСС с 1972 года.

ТРУДНОЕ НАЧАЛО

Ему снился африканский праздник с танцами под барабан тамтам. Полированным эбеном блестели разгоряченные мускулистые тела парней. Полуобнаженные темнокожие девушки сгрудились табунком и, мягко покачивая бедрами, ритмично били в ладоши, словно помогали тамтаму. Все громче звучал барабан, все неистовее хлопали девушки.

И вдруг холодный дождь ли, душ ли начисто смыл всю картину. Остались лишь те же бухающие звуки...

Кругом темень и барабанная дробь. Знакомый скрип раскладушки вернул Русакова в палатку. Он сообразил, что его разбудила холодная капель с потолка, а дробные звуки, навевшие сон, — это тропический ливень, барабанящий по палаточному брезенту. В который раз Степан Федорович дивился силе дождя здесь, на эфиопском высокогорье. Плотные, словно свинцовые, плети ливня насквозь пробивали листву рослого корявого баобаба, под которым стояли палатки советского медотряда, неделю назад прибывшего в поселок Дамбо, в Южной Эфиопии. На грохот ливня накладывалось журчание дождевых потоков вокруг палатки. Порадовавшись, что догадались поставить палатки на земляную насыпь, Русаков тут же снова нырнул в сон, на этот раз без всяких танцев и вообще без сновидений. Засыпая, он чувствовал, как от дневной усталости сладко ноет тело...

«О-хо-хо-хохо-охохо», — разбудил его раздавшийся будто под самым ухом вздох филина из ближнего леса. Дождь давно стих, через щели входа в палатку брезжил рассвет. Любой звук утра эфиопской деревни казался вычеканенным в ясном воздухе. Кудахчут куры, гогочат петухи. Затрещал валежник. Потянуло дымным запахом костра. Зазвенели женские голоса. Женщины здесь последними ложатся спать и первыми встают: нужно кормить работников-мужчин.

«Ну, а ты чего медлишь? Марш, марш из постели!» Несколько приседаний и наклонов, чтобы сбросить с себя сонную одурь. Степан, зябко поживаясь, натянул исхолодавшую за ночь голубую полотняную форму с красным крестом и полумесяцем, вышитыми на нагрудном кармане куртки.

Как раз вовремя — за пологом палатки слышится деликатное покашливание и голос его помощника Александра Ивановича Монины, фельдшера московской «Скорой помощи».

— Ты проснулся, Степан?

— Да, сейчас иду.

Он распахнул полог и пожал руку Александру Ивановичу.

«Нравится он мне,— подумал Степан,— спокойный, дельный, порядочный». Ценность этих вроде бы простых человеческих качеств возрастает многократно в условиях, когда ты, вырванный из привычной московской жизни, попадаешь, как Робинзон, в другой мир. И вряд ли можно найти большую глушь, чем отрезанный от внешнего мира горами и бездорожьем южнофиопский район Дамбо, где работал сейчас советский медицинский отряд. Кроме Степана Русакова, тридцативосьмилетнего, энергичного, подтянутого человека, в отряде были еще пятидесятилетний фельдшер Александр Иванович, шофер Боря Майский — «мальчишка Борька», как в шутку звал двадцатидвухлетнего Бориса Александр Иванович, и эфиоп-переводчик Демиссие, трудившийся до того много лет в советском «Балча-госпитале» в Аддис-Абебе.

Степан всматривался в уже задубевшее на местном солнце лицо своего помощника. Тропический загар рассекает морщины. Усталые тени под глазами. Лицо пятнат комариные укусы. Нелегко дался коренному москвичу прыжок за семь тысяч километров в африканские горные тропики после полувека городской жизни.

— Как самочувствие, Саша?

Тот иронически щурится — мол, что, разве не видно?

— Жаловаться не привык. Да и на кого? Самого меня, старую перечницу, потянуло работать в Африке — интересно, черт побери! Ну, а что шалит давление — так это сказываются и дальняя дорога и здешняя высота. Вон местные говорят, что недели через две привыкну, здоровей здорового буду.

Степан сочувственно кивает. Все правильно. Сам себя неважнецки чувствовал в первые дни.

— Тут о всех своих хворях забываешь, когда начинаешь прием больных.

— Да, а их все больше и больше. И болезни-то какие! — Александр Иванович даже головой крутанул в изумлении. — У нас их давно и в помине нет. Я раньше читал о таких болезнях только в учебниках — например, о трахоме.

Степан — опытный врач, много ему пришлось видеть на своем веку боли и страданий. Но, признаться, он содрогнулся, когда возникла в первый день работы в Дамбо толпа из сотен и сотен больных у входа в их импровизированный лазарет — под него переоборудовали склады местного купчика. Гноящиеся глаза трахомных больных, бесчисленные язвы. Измученные, отчаявшиеся матери, прижимающие к гру-

ди исхудавших донельзя малышей. Их щемящие душу крики, стон и вздохи взрослых... В Дамбо до приезда нашего медотряда три года свирепствовала засуха. Помощь людям от революционных властей в Аддис-Абебе затрудняли бесчинствовавшие в горах банды — их сколотили бывшие помещики, которых революция лишила земли. Сейчас с бандитами совместными силами покончено, хотя в глухих горах и сохранились отдельные их гнезда. Засуха в последние месяцы тоже пошла на убыль. Но остались порождения великой суши — эпидемии, которые с особой силой обрушились на ослабевших от недоедания людей, прежде всего на детей. В общем, советские медики приехали в Дамбо — по просьбе эфиопских властей — как нельзя кстати.

Первого своего эфиопского пациента в Дамбо Степан запомнил хорошо. Им был трехлетний Адмасу Алиту. Его принес отец, и оба они — и взрослый и ребенок — выглядели смертельно усталыми. Адмасу — из-за тяжелого воспаления легких. Его отец Аварра Танту — после двадцати километров, которые без отдыха прошагал по горным дорогам с больным ребенком на руках. Он отправился в нелегкий путь, прослышав о приезде «русских хакимов», врачей из Советского Союза.

Маленький Адмасу от слабости не выказывал даже страха перед врачом, лишь часто-часто моргал длинными ресницами. Черными глазенками он впился в лицо Степана: в первый раз в своей короткой, как вздох, жизни Адмасу видел белолицего «ференджи» — «иностранца». Назначив лечение — антибиотики и витамины, — Степан передал лекарства в дрожащие от волнения, заскорузлые, крестьянские руки отца. Тот благодарно поклонился, затем кряхтя бережно поднял сына, понес его в другую, смежную комнату, где были расставлены кровати для больных.

Позже, уже ближе к обеду, Степан снова увидел курчавого Адмасу. Его, видно, взял под свою опеку добрейший Александр Иванович. Малыш отдыхал после лекарств и уколов, откинув чернокудрую головку на белоснежную подушку. Старый фельдшер, примостившись на краешке кровати, ложечкой скармливал ему сгущенку из только что почтой банки. Адмасу, блестя белыми зубами, широко и охотно открывал рот и, проглотив очередную порцию сладости, что-то благодарно лепетал Александру Ивановичу. Рядом с койкой стоял, опираясь на копые, отец Адмасу в пропыленной за долгий путь эфиопской накидке-шамме. Степан остался незамеченным, но хорошо видел, как Аварра Танту глядел на Александра Ивановича и своего сына. Степану уже были известны суровые обычаи местных жителей, сдержанность горцев Дамбо. Но в эту минуту Степан был готов поклясться, что на глазах Аварра Танту блестели слезы. Слезы надежды и благодарности «русскому хакиму», лекарю из далекой страны друзей — Советского Союза.

ВСТРЕЧА С «ШИФТОЙ»

Прямо из-под колес ползущего по горной дороге вездехода «уазика» с красными крестами на бортах круто вниз уходил километровый провал долины реки Омо. Одна из главных рек Эфиопии делила здесь три провинции — Каффу, Шоа и Сидамо. В этом районе река пробилась себе русло в темно-малиновых скалах, уступами спускавшихся к ее бурным, пенным водам. По одному из уступов, на полпути между рекой и вершиной, змеилась узкая грунтовая дорога. На других уступах, выше и ниже дороги, впоенные щедрой влагой и жарким солнцем, буйно зеленели рощицы тропических деревьев.

— Там, говорят, еще никогда не ступала нога человека, — обронил Демиссие, посмотрев в боковое окно.

— Да, скалы словно топором обрублены, — согласился Степан, глядя на гладкие каменные склоны, запекшейся кровью отливавшие под солнцем.

— К тому же заросли там прямо кишат ядовитыми змеями, — добавил Демиссие, запахивая старую джинсовую куртку на груди.

«Трах-тах-тах-таратах!». Слово хворост с треском ломали вблизи машины. Борис резко затормозил, машину окутало облако красноватой пыли.

— Стреляют, что ли, Степан Федорович... — проговорил он.

Степан нажал на ручку дверцы и выскочил вместе с другими из машины. Пыль быстро оседала, и, пока Степан недоуменно вглядывался в пустынную дорогу, раздался тревожный голос Александра Ивановича:

— Ребята, наверху всадники с ружьями.

Чуть позади на голубом с барашками облаков небе четко рисовалась на верхней кромке горы группа всадников. Один из них что-то командовал громким голосом, человек пять целились в машину. Не стреляли, видно, ожидая, когда совсем осядет пыль — для верности.

— Шифта, — раздался встревоженный шепот Демиссие. — Здесь так бандитов называют. Что делать будем?

— В машину и скорее вперед. Может, успеем оторваться, — хриплоскомандовал Степан. — Жми, Боря!

Борис, вобрав голову в плечи, прикусил от напряжения губу. Подняв новую тучу спасительной плотной пыли, «уазик» под треск винтовок рванулся с места. Надсадно воя и подскакивая на булыжниках, машина упрямо лезла на подъем, чтобы тут же ринуться вниз, на самом краю пропасти планером взлетая на кочках.

Демиссие, пытавшийся через пыльную тучу разглядеть верхний откос, возбужденно закричал:

— Смотрите, шифта отстает. Ураа!

Но не успели еще перевести дух, заулыбаться, как Степан упавшим голосом проговорил:

— Зря радуется, впереди на дороге тоже всадники с винтовками.

Машина встала. Степан сумрачно глядел на крестьян, которые рысью скакали к ним. Их было человек десять. Глаз Степана особенно резанули красные помпоны из пушистой шерсти, вплетенные в гривы лошадей, шитые шелком накидки на плечах крестьян. Еще подумал: «Ишь, как на праздник вырядились...»

И тут Александр Иванович с удивлением заметил:

— Но они же не по нам палят.

Тут только Степан и увидел, что ружья крестьян направлены круто вверх. Они вели беспорядочную стрельбу на скаку по тем, кто преследовал советских врачей.

Машина оказалась в кольце взмысленных лошадей с всадниками в праздничных одеждах. Через открытое окно к Степану заглянула потная бородатая физиономия, затем появилась широкая, бугристая от мозолей и садин крестьянская рука.

— Тенастэлинь! (Здравствуйте!)

И Степан ощутил крепкое рукопожатие.

То было дело счастливого случая. Крестьяне из деревни Борхе, принарядившись и собравшись на околице в ожидании «русских хакимов», решили от греха подальше послать молодежь с оружием встретить дорогих гостей. В их районе действовало несколько помещичьих банд. Одну из них сколотил после аграрной реформы и национализации своего поместья помещик Гебремикаэль Боленко. Где-то в окрестных горах у него было убежище, куда свозили награбленное, откуда его подручные делали налеты на деревни и хутора, обирая крестьян и убивая активистов. Правда, в Борхе, свою бывшую вотчину, нынешний атаман Гебремикаэль не совался. Знал от своих людей, что крестьяне создали крепкий отряд самообороны, благо в деревне оружия в достатке, почти все крестьяне в Борхе — охотники.

Одному из них Степан и пожал первому руку при встрече, Абию Геммечу. Он оказался секретарем недавно созданной на бывших помещичьих землях Крестьянской ассоциации Борхе. Демиссие, быстро вспомнив кое-что из языка кембатта, перевел длинное приветствие Абию в нескольких словах.

— Говорит, что они счастливы спасти советских врачей, которые избавляют от болезней их родных и близких. Да, и еще сказал: в Борхе врачи приезжают впервые за все сто лет ее существования.

— Впервые? — переспросил Александр Иванович. — Где же они лечились раньше, спроси у него...

— Только у местных знахарей, — перевел Демиссие ответ. И, не удержавшись, от себя добавил: — Помните, Степан Федорович, вы на днях сохранили ногу одному из таких знахарей в Дамбо?

То была недавняя история с известным местным «лекарем». Тот поначалу в штыки встретил прибытие в Дамбо советского медотряда: как же, исчезал его источник доходов. Но «русские хакимы» оказались и для него спасителями. Однажды утром, когда он пришел на свое поле, засаженное «музе есенте», местным бананом, на него выскочил кабан. Да не кабан, здоровенный кабанище-секач. Видно, с испугу атаковал он безоружного знахаря и разворотил до кости позвоночнику ноги. Его, стонущего, истекающего кровью, притащили к Степану соседи-крестьяне. Увидев рану, Степан только головой покачал: в таких случаях прибегают к серьезной хирургической операции. Но тут не те условия, и Степан решил сотворить «чудо с антибиотиками», как он это окрестил. Степан уже ранее заметил, что советские антибиотики излечивают, словно по волшебству, жителей Дамбо. Видимо, дело было в том, что их организмы не были привычны к ним и не знали до того столь эффективных средств. Плюс высокая жизнестойкость дамбинцев, рожденная суровой, без помощи лекарств, борьбой с бесчисленными болезнями. В общем, Степан ввел знахарю антибиотики, засыпал рану пенициллином и перевязал. Он оказался прав — всего через семь дней, к удивлению самих советских медиков, эфиоп встал с постели горячим другом Степана и его товарищей, скептиком в отношении своей собственной «лекарской» практики.

...Советский «уазик» с врачами медленно с эскортом нарядных всадников подъезжал к деревне Борхе, расположенной на крутом берегу реки Омо. За рекой гряда скальных гор сходилась на нет, образуя широкую долину. Она мягко зеленела шелком посевов, на котором причудливой вязью проступали узоры хуторов и деревенок, соединенных желтыми путанными нитями дорог. Здесь, у Борхе, были видны огромные пространства сразу двух Эфиопий — высокогорной и низинной, каждой по-своему богатой и прекрасной. Борхе лежала на стыке этих двух миров, составляющих единую и древнюю эфиопскую землю.

Сатанинская тряска по проселку враз прекратилась, «уазик» вкатил на зеленую поляну, примыкающую к привольно разбросанным соломенным тукулям — цилиндрическим хижинам деревни Борхе. Навстречу высыпало, наверное, все местное население — кто с болезнями, а кто полюбопытствовать. Прямо здесь же, на поляне, в кружевной тени огромной зонтичной акации приготовлены были стулья и скамейки для врачебного приема. Абию Геммеча объяснил Степану, что здесь будет легче работать: ветерок от бегущей под обрывом реки Омо отгоняет неизбежные в это время года тучи мух. Наклонив к Степану узкое лицо с курчавой бородой, Абию попросил через Демиссие извинения, что должен вместе с другими членами исполкома Крестьянской ассоциации — они, к счастью, все здоровы — на время покинуть советских гостей.

— Что-нибудь случилось? — участливо спрашивает Степан.

— Да, — лаконично отвечает Абию. Затем, помедлив, добавляет: — Мы продолжим отложенное со вчерашнего дня заседание революционного трибунала Крестьянской ассоциации. — И после еще одной паузы: — Если хотите, можете после приема прийти на заседание.

— А какие вопросы обсуждаете?

— Один, для нас — ЧП. Мы освободили от обязанностей, арестовали и судим бывшего председателя нашей Крестьянской ассоциации Айеле Гулте.

— Председателя? — Степан не смог сдержать удивления. Абию нахмурил брови и сокрушенно развел руками.

— Да мы сами удивлялись не меньше. Айеле Гулте, оказалось, связан с бандой помещика Гебремикаэля — вы с ней теперь лично знакомы. Но лучше всего приходите после приема вместе с другими товарищами. Мы собираемся у бывшего помещичьего дома, вам его каждый покажет.

И, кивнув, он перекинул решительным жестом конец эфиопской накидки-шаммы через правое плечо и зашагал меж тукулей. Степан присоединился к Александру Ивановичу, Демиссие и Борису, которые уже успели превратить часть поляны под деревом во врачебный кабинет. На скамейках сидели больные. На стульях — коробки с походным набором медикаментов, рядом — ящики со сгущенкой и детским питанием. Степан видит, как Демиссие успокаивает больных, он оказался просто незаменимым в их работе. Простой фельдшер, Демиссие знает русский и пять эфиопских языков — амхарский, галлинья, уоломынья, кембатта и тымбаро. Два последних наиболее распространены в районе Дамбо.

Степан начал прием. К нему, к уверенным движениям его рук обращены полные надежды глаза пациентов, больших и маленьких. Степан предельно сосредоточен — это видно по тому, как он хмурит брови. Больше половины больных — дети, апатичные, исхудалые. Их печальные глаза — как мольба сделать, что в его силах.

Много, очень много больных в Борхе. Последнего, двести двадцать пятого, пациента Степан осматривал уже под вечер. Полянка почти опустела. Ее шелковистую траву перечертили длинные тени. Остались одни любопытствующие. Александр Иванович и Борис решили заняться сборами, а Степан и Демиссие пошли в другой конец деревни, на далекий гул голосов. Там, на краю обрыва, у помещичьего особняка с двумя облупившимися колоннами и строем серебристых эвкалиптов, прямо на земле сидели мужчины и женщины Борхе. Среди них Степан узнал многих своих пациентов. На крыльце дома он заметил уже знакомого им Абию. Степану показалось, что он одобрительно кивнул, увидев «хакимов». Рядом с ним, чуть опустив седую голову, стоял крестьянин в новой, с иголки шамме с широким парчовым

орнаментом по краю. Горячо говорил худой, почти изможденный юноша в очках, в потрепанных брюках и такой же куртке.

— Пожилой, — торопливо прошептал Демиссие, который, оказывается, уже был в курсе всех событий в Борхе, — это и есть бывший председатель Крестьянской ассоциации Айеле Гулте, а молодой — его сын Цегае.

Демиссие тихо нашептывал Степану перевод всех выступлений — Цегае, других крестьян, самого Айеле Гулте, попутно добавлял от себя подробности истории. О падении простого крестьянина, которого не смогли сломить поборы и палка помещика Гебремикаэля, но который не устоял перед его лестью и золотом. В прошлые, дореволюционные времена помещик Гебремикаэль был видной фигурой в их округе, одних особняков у него было четыре, в разных поселках и деревнях, к ним — сотни гектаров лучших земель, огромные стада скота. Но больше всего любил помещик золото, впрочем, это было в крови всех феодальных владык прежней Эфиопии. И чем больше его становилось, тем алчней, беспощадней к крестьянам был Гебремикаэль. В предреволюционные годы он уже брал с крестьян, которые арендовали у него землю, восемьдесят один процент урсажая. Он забирал у них силой лучших коров и овец. Временами он делал обход всех домов в Борхе и других деревнях — вещи, которые ему приглянулись, его охранники тут же отбирали. Эти-то церберы и составили после революции костяк его банды.

Иной была жизнь крестьянина Айеле Гулте. Он дожил до седых волос в трудах и нищете. Арендовал Айеле, как и большинство в Борхе, землю у помещика, впроголодь перебиваясь с женой и детьми. Только раз попытался перечить он помещику — это когда тот захотел отобрать у него дедовский «уолле», старинный, но острый, как бритва, топор — орудие труда и оружие в их краю. За ослушание был бит палками и «уолле» лишился. Айеле Гулте был в числе первых, кто поддержал революцию и аграрную реформу. За жизненный опыт и смекалку избрали его жители Борхе председателем Крестьянской ассоциации. То были времена, трудные для эфиопской революции: приходилось отбиваться от многочисленных врагов — внутренних и внешних. В тех условиях у местных избранников оказалась немалая власть. То ли от нее закружилась голова у старого Айеле, то ли от сладких слов, которые стали расточать ему родичи да присные бежавшего в горы помещика. А тут и от него самого пришли вести — вначале о погромах, творимых сколоченной им бандой, а потом и его заявления об... отмене аграрной реформы как «незаконной», о том, что расправится с каждым, кто будет за реформу.

Что-то с тех пор застопорилось с аграрной реформой в Борхе. Под разными предлогами Айеле Гулте затягивал распределение помещичьих земель между крестьянами. И может быть, это тянулось бы еще долго, не явись на каникуды во время дождливого сезона его сын

Цегае. Он заканчивал среднюю школу в соседнем поселке, где жил у родственников. Там же он вступил в революционную Молодежную лигу. Цегае, который не видел отца с момента его избрания, удивился переменам — важности, долгим и пустым речам, его необычно частым отлучкам в город «по делам».

Как потом выяснилось, именно по дороге туда Айеле встречался с людьми из банды Гебремикаэля и самим бывшим помещиком, который теперь клялся ему в дружбе. Ну, а по дружбе Айеле разбалтывал своим новым приятелям и о настроениях односельчан, и о мерах революционных властей, и об операциях против бандитов. Получал он от бывшего помещика и нечто более ценное, чем дружеские лобзания.

Но здесь слово Цегае — он как раз рассказывал о своей находке, когда Степан с Демиссие подошли к собранию.

— Пришел как-то к нам сосед Сурату, — перевел Демиссие быстрый рассказ Цегае на кембатта. — Он наш дальний родственник. «Как учишься, сынок?» — спрашивает. Все расспросил, а потом говорит: «Праздник святого Михаила скоро. Одолжите меду, хочю «тэджа» (эфиопский хмельной медовый напиток) сделать».

Дома никого не было: отец с матерью на дальние поля уехали, младшие сестры и братья бегали по улице, и я сам, — продолжал Цегае, — пошел в чулан и стал искать там «инсыру» (кувшин с медом. Наткнулся на одну в дальнем углу, вытащил на свет. Еще подивился, что была она очень крепко перевязана по горлышку тряпкой. Развязал ее, отлил немного меду старику Сурату. А когда тот ушел и я нес «инсыру» с медом назад, показалось, что будто какой-то камень на дне кувшина болтается. Я, значит, палку в руку — и стал его выуживать. И выудил старый кожаный кошелек.

Степан представил себе удивление парня, вытащившего истекший медом кошель на свет божий из необычного тайника. Впрочем, какие еще тайники в небольшом соломенном тукуле можно было найти?

Цегае вынес кошелек на улицу и там зубами развязал кожаный шнурок. Словно гром грянул для Цегае — на его ладони оказались пять ярко засверкавших на солнце крупных золотых монет. На всех на них блестел, словно смеясь над обескураженным юношей, Хайле Селассие I, бывший эфиопский император. Откуда такое богатство в их бедном доме? Раньше об этих золотых имперских монетах Цегае только слышал, их особенно любил помещик Гебремикаэль.

«Не от него ли, орудующего близ Борхе, у отца это золото?» — пронзила Цегае мысль. А вспомнив необычное поведение отца, его новые одежды — с каких таких доходов он их справил? — жалобы на него бедных односельчан, Цегае зажал монеты в кулаке, прихватил кошелек и бегом через всю деревню бросился к старому другу Абию.

Когда Айеле Гулте нашли и привели в исполком Крестьянской ассоциации, Абию молча подошел к нему и, ни слова не говоря, протянул ему на раскрытой ладони старый кошелек с пятью золотыми монетами. Айеле вскрикнул и хотел было схватить их, но вдруг опомнился, глухо зарыдал, закрыв лицо руками.

Сейчас он рассказывал все. О встречах и беседах с атаманом помещицкой банды и о том, что он выдал врагам односельчан. Айеле ничего не утаивал, на это его еще хватало. Но Степан видел: он не смотрел в глаза своим бывшим друзьям, родичам, соседям.

«На это у него нет ни сил, ни смелости,— думал Степан.— Он предал их, предал в самое трудное время самому ненавистному человеку в Борхе». И та же ненависть упала и на обесчещенную седую голову Айеле. Ненависть к нему звенела, ненависть росла в презрительном молчании крестьян Борхе...

У РОДНИКА

Здесь, на камбузе, даже в самое пекло было сумеречно и прохладно. Свет попадал лишь через небольшое, прорезанное под самым потолком округлое отверстие. То ли из-за похожего на иллюминатор оконца, то ли потому, что шоферу Боре, недавно отслужившему на флоте, первому выпал жребий исполнять обязанности повара, но с его легкой руки стали называть этот отгороженный угол склада камбузом. Здесь, на походной газовой плите, все по очереди показывали свои кулинарные способности.

Медотряд в полном сборе сидел за сооруженным из старых ящиков длинным, неказистым на вид, но удобным обеденным столом. На что другое, но на аппетит никто не жаловался. Александр Иванович, по его словам, еще с «жениховства» без особого успеха борющийся с лишними килограммами, тихонько чертыхался, правда, предварительно управившись со своей порцией.

— Какая-то мистика,— постанывал он, запивая второй или третьей кружкой чая полную тарелку картошки с тушенкой — коронного блюда Степана.— Наверное, в местных продуктах есть какие-то стимуляторы аппетита.

— Да не оправдывайся, Саша. Как не поесть при нашей многотрудной работе? Ведь как полопаешь, так и потопаешь.— Степан, вытирая руки после уборки камбуза, подсел на лавку у стола.— Кстати, нам-таки придется сейчас вновь топать к больным.

— Зачем?

— Понимаешь, засела у меня в голове одна мысль.— Степан, потянувшись, достал с полки толстую, уже порядком замусоленную амбарную книгу — в нее они записывали всех больных.— Вот

глянь, — показал он книгу Александру Ивановичу. — Последние дни к нам одна за одной идут женщины, многие с детьми, жалуются на «большой живот».

— Еще какой больной — тропическая дизентерия у них оказалась.

— Не обратил ли ты внимание, откуда они все?

— Как откуда — из самого Дамбо, здесь же записано.

— Записано, да не все. Я вот сегодня во время приема стал уточнять и выяснил, что почти все больные — с южной окраины Дамбо.

— Ну Дамбо и есть Дамбо.

— Слушай, я знаю, ты смертельно устал. Но давай все же махнем вместе на эту южную околицу поселка, поглядим, порасспрашиваем там. Может, что узнаем. Туда километра три, не больше.

Оказалось все-таки больше, о чем Александр Иванович не преминул сообщить Степану и Демиссии, переводчику. Карабкаясь по крутому откосу, цепляясь за кустики и пучки жесткой травы, они взобрались, тяжело дыша, на вершину холма. По его склонам террасами спускались в лощину зеленеющие поля и огороды, рядом в банановых зарослях пряталось десятка два тукулей. Именно отсюда были их сегодняшние больные. Одну пациентку зоркий, несмотря на возраст, Александр Иванович высмотрел на пороге хижины — она толкла что-то в старой деревянной ступе.

— Тенастэлини! Здравствуйте! — в один голос сказали врачи.

Эфиопка, вздрогнув от неожиданности, опустила пестик в ступу и повернула к ним голову. Узнав посетителей, Заннебач заулыбалась, засуетилась, стала приглашать в жилище. Они не отнекивались, тем более что показался сутулый высокий мужчина — хозяин дома Беззабых, выкатилось трое, мал мала меньше, ребят. Все они дружно, с гомоном и шумом зазывали гостей. Сильно наклоня голову: дверной проем в цилиндрическом, плетеном из ветвей и обмазанном глиной тукуле был очень низок, — Степан, Александр Иванович и Демиссия вошли внутрь хижины. Неяркий вечерний свет, пробивающийся через дверь, да легкие блики еле тлеющего в правой половине тукуля очага рассеивали полумрак округлой, без окон комнаты. Слева, в небольшом загончике, кудахтали куры, шумно вздыхали овцы и козы. Врачей провели в угол за очагом, с поклоном усадили на покрытые шкурами низкие нары — здесь, видно, спала вся семья. Хозяйка, которая тут же сообщила, что ей стало лучше после приема прописанных Степаном лекарств, разливала по маленьким керамическим чашечкам густо заваренный, пахучий эфиопский кофе: его выращивают все крестьяне в Дамбо.

После традиционных расспросов о здоровье, семье, урожае Степан завел разговор о повальной болезни, которой маялись люди, особенно женщины и дети, в поселке. Слово за слово текла беседа, и вдруг Степан настороженно переспросил:

— Откуда, откуда женщины воду носят?

— Да тут, метрах в пятистах, есть озерцо, — перевел Демиссие, — оттуда и носят круглый год. Вода очень хорошая, женщины прямо там, у озера, набираются, чтобы больше воды принести домашним.

— Так, понятно, — протянул Степан. — Что, дома-то воду кипятят?

Демиссие долго не переводил, кивая, слушал быстрый рассказ хозяйки. Степан видел по скорбному выражению лица, горестным вздохам Заннебач, что рассказ не из веселых. Эфиопка жаловалась, что леса кругом Дамбо повыврублены, за хворостом и дровами нужно ходить за многие километры, а это по местной традиции обязанность женщины, на ней лежат заботы по поддержанию огня в очаге. Поэтому воду кипятят только тогда, когда заваривают кофе или готовят «вот» — эфиопское, остро приправленное перцем, как правило, мясное блюдо. В другое время это непозволительная роскошь.

Степан уже не раз видел такую картину в окрестностях Дамбо, от которой щемило сердце: сгибаясь под тяжестью притороченных за спиной огромных охапок эвкалиптовых ветвей, собранных у дальнего леса, по пыльным проселкам к Дамбо тянулись вереницы женщин — хранительниц очага. Согнувшись почти до самой земли, чтобы не быть опрокинутыми массивной ношей, свесив по-бурацки усталые руки с вздувшимися от напряжения венами, медленно перебирали босыми ногами женщины. Только у немногих зажиточных крестьян остались после засухи лошади или мулы, в других семьях дрова переносили женщины.

Заннебач отошла чуть в сторону, затрещала там хворостом. Она поднесла к очагу несколько сучков, бережно, словно считая, положила их один за другим в костер. Степан задумчиво глядел, как языки пламени начали жадно глотать это скудное подношение.

Да, кипятить воду здесь просто трудно. Но что же делать — расписаться в своем бессилии и уйти? Вежливо улыбнуться хозяевам и сказать на прощанье: мол, ничего, со временем и в их глубинке революция облегчит жизнь? Они сами в это верят, не зря же с яростью громят окрестные помещичьи и кулацкие банды. Но что можно сделать уже сегодня, не закрывая беды розовой картиной завтрашнего дня?

Степан, насупив брови, глядел на слабеющий огонек костра. Пожалуй, только и остается что попытаться уничтожить заразу в самом источнике.

Степан, Александр Иванович и Демиссие поднялись и стали прощаться.

— Значит, переведи еще раз, — сказал Степан, уже выйдя из тукуля в прохладу сумерек. — Завтра у нас воскресенье, день нерабочий, и мы с утра придем, осмотрим ваше озеро. Попроси его и других крестьян тоже подойти туда, может, сообща выясним, почему болеют люди от тамашней воды.

Крестьянин Беззабых, кивая после каждого слова переводчика, проводил их до спуска. Степан, оглядываясь, все видел его длинную тощую фигуру. Беззабых напоминал привидение в залитой лунным светом белой эфиопской накидке-шамме.

Утром, подходя к озеру, Степан, Александр Иванович, Борис и их постоянный спутник Демиссие еще издали услышали гомон толпы. Похоже, что на берег высыпал весь поселок. Большой группой стояли, солидно беседуя, мужчины, неподалеку шумели женщины, надевшие то ли по случаю воскресенья, или этого собрания лучшие свои наряды, украшенные разноцветной вышивкой. Увидев Степана и его спутников, навстречу зашепшил директор школы Йоханнес Рафаэль. По его широко распахнутым рукам, щедрой улыбке в густой курчавой бороде, смеющимся на смуглом лице глазам можно было подумать, что он давно их не видел, хотя расстались не далее как вчера вечером.

После взаимных приветствий Йоханнес согнал улыбку с лица и укоризненно покачал головой.

— Что же вы мне, старому другу, даже ни полслова не сказали вчера о вашем намерении излечить дурную воду в озере?

— Откуда вы узнали об этом нашем намерении? — улыбаясь спросил Степан.

— Да весь поселок только и говорит об этом, ведь нет семьи у нас, чтобы кто-нибудь не маялся животом.

— Да, но речь идет пока просто об осмотре вашего озера. Мы еще не знаем, сможем ли что сделать.

— Вы не знаете? Вы, вылечившие тысячи самых тяжелых больных в Дамбо! — В голосе Йоханнеса Рафаэля звучало изумление. — Да вы хоть понимаете, как вам верят все эти люди кругом? — Йоханнес показал на толпу примолкших, внимательно наблюдавших за ними крестьян.

— Вы помните, что после вашего приезда в Дамбо здесь разразилась гроза, первая гроза после многих месяцев суши? Так я вам скажу, что после того, как вы поставили на ноги нескольких больных, по местным понятиям, уже обреченных на смерть, здесь, в Дамбо, стали ходить слухи, что именно вы и избавили нас от засухи. Это пусть наивная, но вера в могущество, в знания, в искусные руки советских врачей. Она, эта вера, опора в вашей работе, ее никак нельзя разрушать. Придется и вам и нам сообща заразу из озера выводить. Я вон и ребят из нашей школы привел, может, помогут.

— В общем, по русской поговорке — взялся за гуж, не говори, что не дюж, — усмехнулся Александр Иванович. — Что ж, Степан, давай осмотрим «больного», пощупаем это их озеро.

Подойдя к толпе крестьян, пожимая протянутые руки, Степан внимательно глядел в их глаза. Он видел во взглядах дружелюбие, интерес и ту самую веру, о которой говорил Йоханнес. Обмануть ожидания этих измученных людей было нельзя, и Степан повернулся

к озеру. Оно лежало чуть выше дороги, в выемке горного склона. Озеро представляло собой малопривлекательную картину. Низкий берег был сплошь затоптан скотом, вода сера и мутна от грязи. Правда, противоположный крутой берег был затенен нежной хвоей туи, поднявшейся в расщелине бурых скал, буйной порослью молодых олеандров. Их цветущие ярко-красными пахучими цветами ветви склонялись к чистой, спокойной воде. Чувствовалось, что там глубоко. Да и берег был слишком крут, туда могли добраться разве что антилопы или дикие козы.

— Что, разве нельзя поить ваших коров не в этом озере, а в другом месте? — услышал он голос Александра Ивановича.

— Как правило, так и делаем в дождливое время, когда все озера кругом полны воды, — ответил Иоханнес Рафаэль. — Во время же сухого сезона только в этом озере есть вода, оно никогда не пересыхает.

— Никогда не пересыхает... — Степан пристально поглядел на зеленые древесные купы на дальнем берегу озера и как наяву услышал ласковый, с придыханием голос своей старой бабки Анны: «Выпей, внучек, это из нашего родника водица, она и в самое пекло не пересыхает и не теплеет». И вот он, голенастый мальчонка, опять в родной деревне Чуфичево под Старым Осолом, приехал из города на каникулы к бабке. А она не знает, чем бы потчевать любимого внука — то ли своим медом, то ли вишней из сада. И все-таки первым делом предложила родниковую чуфичевскую водицу. Такой, по ее убеждению, не было нигде. Степан берет из дрожащей от старости веснушчатой руки большую эмалированную битую-перебитую кружку. И этот сок родной земли вливается в него, холодный и сладкий, захватывая дух и наполняя свежестью и силой. Степан даже глаза зажмурил — до того ярко и сильно было воспоминание...

И тут же, повернувшись к Иоханнесу, быстро спросил:

— А родники в этом озере бьют?

— Родники? Вот чего не знаю, того не знаю.

— Так спросите у своих ребят, они наверняка купаются здесь, вон у них даже волосы не обсохли.

На гортанный крик Иоханнеса прибежала целая стайка ребятешек. Теснясь и глядя преданными глазами на своего, видно по всему, любимого учителя, они хором отвечали на поток его вопросов. Чаще всего звучало «аво» — «да».

— Вы, пожалуй, правы, доктор, — повернул бородатое лицо к Степану Иоханнес Рафаэль, — ребята все в один голос рассказывают, что у того берега, если глубоко нырнуть, попадешь в очень холодный подводный ручей. Там, наверное, родники бьют, не дают озеру пересохнуть.

Все помолчали, глядя на дальний берег озера.

Тут Александр Иванович, прервав паузу, показал рукой в сторону дороги и сказал:

— И коровы, видно, чувствуют, что здесь всегда можно напиться, — вон стадо сюда движется.

Через минуту на мелководье с мычанием вползло огромное стадо. Весь берег разноцветно запестрел. Мосластые горбатые коровы-зебу с чмоканьем, захлеб пили мутную прибрежную воду.

— А потом отсюда же берут воду люди, — тихо проговорил Александр Иванович. — Чего уж тут удивляться болезням!

Все вновь помолчали, рассматривая коров. Те, довольно мыча, облизывали морды и выходили из озера на дорогу.

— Придется эту воду спустить, — нарушил молчание Степан, — тогда болезни отступят, люди Дамбо будут пить здоровую, чистую воду из родников у дальнего берега. Скотине же нужно соорудить запруду ниже, вон, видите, в вышшем глубоком русле ручья. Там, у дороги, и устроить новый водопой.

Когда Йоханнес Рафаэль, быстро загоревшийся предложением Степана, подошел вместе с врачами к жителям поселка и все им рассказал, над толпой повисло молчание. И вдруг все заговорили разом. Йоханнес, поворачивая голову от одного оратора к другому, все более мрачнел. Потом не выдержал, начал что-то быстро объяснять на местном наречии, явно убеждая крестьян. Те в ответ качали упрямо головами: «Нет, нет, нет».

— Вы знаете, что они говорят? — спросил Йоханнес чуть погодя у врачей. — Они не хотят спускать озеро. Мол, есть ли в озере родники — в этом большое сомнение, а вот без этого озера скотина в месяцы суши передохнет, и им туго придется.

— Ну, а о болезнях, которые их сейчас от дурной воды мучают, ты им сказал? — спросил Александр Иванович.

Йоханнес только пожал плечами:

— Конечно. А вон тот крикун отвечает: переждем, они, глядишь, и сами пройдут.

— Что ж, буду, как говорится, принимать огонь на себя, — сказал Степан и вышел вперед. — Давай переводи, я сам скажу несколько слов.

Степан повернулся к крестьянам. На него смотрели уже не те дружеские и приветливые, а настороженные, а то и прямо колючие глаза. Не смущаясь этим, он громко произнес:

— Друзья, я и мои товарищи спасли многих из вас от смерти. Не так ли?

Казалось, все крестьяне в один голос прошептали:

— Да!

— Вы нам верите?

И опять уже громкое:

— Да, да!

— Тогда я прошу вас, поверьте и тому, что я вам говорю об озере. Спустив сейчас его в запруду для скота, вы будете пить чистую родниковую воду и навсегда избавитесь от нынешних болезней.

Когда через полчаса крестьяне принесли из дома кирки и лопаты и у озера закипела работа, Иоханнес хлопнул Степана по плечу и сказал:

— Теперь ты видишь, какие чудеса творит вера крестьян в «русских хакимов»?

Он с натугой длинным ломом вывернул увесистый валун, и тот с грохотом покатился вниз, туда, где собирались строить запруду. Выпрямившись, чтобы вытереть пот, он увидел, что эфиопы уже разделились на две группы. Одна, побольше, только из мужчин, стаскивала камни, валежник и землю вниз по руслу ручья. Там, у спускавшейся в ручей скалы, предстояло построить плотину. Другая, наверху, где работали Александр Иванович, Демиссие и Борис, включала и женщин. Рядом с переводчиком Степан увидел их новую санитарку из Дамбо — Альганеш. Даже издали Степан узнал ее ослепительную улыбку, обращенную к Демиссие. Молодые сочные губы ярко адели на смуглом лице. Степан не раз уже замечал эту парочку в уединении, погруженную в нескончаемую беседу. Легкие прикосновения рук, глаза, устремленные друг на друга, нежный шепот. Прекрасные, волнующие знаки любви. Они едины для всех людей всех цветов кожи.

Уже к закату дня через канал, вырытый у нижнего края озера, хлынул поток воды.

Степан, только спала вода в озерце, бегом кинулся, шлепая по лужам на дне, к дальнему крутому берегу. Родник, где он? Здесь нет, и здесь, и здесь. Обежав самый дальний огромный валун, Степан остановился как вкопанный — и здесь, на дне, кроме тины и барахтающихся в ней мелких рыбешек, ничего нет. Навалилась тяжесть длинного рабочего дня, заныли сбитые мозоли на руках. Неужто все напрасно?

— Не могли мы ошибиться! — Степан ударил кулаком по раскрытой ладони другой руки.

И тут же увидел, что по глянцевиной поверхности громадного валуна змеились водяные струи, услышал журчание где-то сверху. Степан вскинул голову. Над валуном, из береговой скалы лилась, пульсируя, вода. Родник! Подставив руку, Степан поймал целую пригоршню холодной чистой воды. С шумом хлебнул из ладони. Он готов был поклониться в ту минуту — вода оказалась с тем же сладким привкусом, что и из родника в деревне Чуфичево. Родника его детства, его Родины.

СТЕРВЯТНИК ИЗ ГОТТО

— Кто следующий? — бросил через плечо Степан, торопливо завершая описание болезни последнего больного.

— Да вот, Айеле Боша. — В обычно мягком голосе Демиссие звучало явное недовольство.

Заинтригованный внезапной переменой в настроении верного помощника, Степан обернулся. У дверей стоял закутанный в ветхую накидку-шамму босоногий старик с длинными и пушистыми седоватыми усами. Эти гренадерские усы, ярко белеющие на смуглом лице, Степан не мог не запомнить. И, поздоровавшись, он, чтобы скрыть улыбку, нарочито хмуро произнес:

— Но, Ато Айеле, ведь только позавчера мы же объяснили — не можем вас принять. У вас там, в Готто, есть свои врачи.

Старик, склонив голову, утвердительно покачал ею.

— Вы поймите, дорогой, — уже мягче сказал Степан, — ведь это местные власти решили, что мы принимаем только больных района Дамбо, благо здесь живет больше ста тысяч человек.

Тут Айеле быстро поднял голову и, тыча себе пальцем в грудь, обратился с целой речью на языке кембатта к Демиссие.

Тот вначале отрицательно мотал головой, но вдруг, переспросив, захохотал во все горло.

— Вы слышите, Степан Федорович, — сквозь смех обратился Демиссие к врачу. — Он, оказывается, стал уже жителем Дамбо.

— Как это так?

— Уехал, говорит, из Готто. Сейчас живет в Дамбо у родственника. И семью, говорит, перевезу, если там, в Готто, будут по-прежнему действовать тамошние врачи-шарлатаны, а не «русские хакимы». Насчет семьи это он, конечно, присочинил, — тут же добавил Демиссие. — В Готто полдеревни родных, да и земля его там. Но что нам делать с этим «переселенцем»?

Степан поманил старого Ато Айеле в кабинет, жестом указав на раздевалку и кушетку. Обрадованный старик, путаясь в бесчисленных складках шаммы, сбросил с себя одежду. Торопливо, будто боясь, что врач раздумает, он влез на кушетку, вытянулся на ней и блаженно закрыл глаза — добился-таки своего. Теперь-то искусный «русский хаким» его вылечит.

После осмотра Степан выписал лекарство и отпустил его, так и не став журить Ато Айеле за его уловку. Но как поведут себя врач-миссионеры из Готто, столкнувшись с этим бунтом больных? Демиссие сказал ему, что крестьяне из Готто собираются отправить челобитную к ним с просьбой разрешить лечиться в Дамбо и жителям Готто. Что им ответить? Единственные до их приезда врачи во всем этом горном крае из лютеранской миссии в Готто открыто наживались на болезнях местных жителей. До прибытия советских врачей они были своего

рода монополистами, установив совсем небожеские цены за свои услуги. Три эфиопских быра, которые миссионеры брали за прием, может, и не велика сумма, но это половина месячного дохода обедневшего в сущь местного крестьянина. И вдруг после нескольких лет, когда миссионеры почувствовали себя почти царьками, грянул, по их представлению, гром. У них под боком, в каких-то пятидесяти километрах, обосновались советские медики-безбожники, проводившие осмотр и лечение бесплатно. А если к тому же учесть радушие Степана и его товарищей, их квалификацию, то миссионеры-эскулапы оказались совсем неконкурентоспособными.

Казалось, радоваться бы Степану, что корысть миссионеров побеждена и они проучены. Но Степан вздыхает. Их группа не может взять весь этот край с его миллионом жителей только под свою опеку. А у эфиопских властей, во всяком случае, в ближайшие месяцы, некого послать на подмогу: в стране острая нехватка медиков.

— Степан Федорович, больные все прошли,— вывел его из задумчивости Демиссие.

Степан, скрипнув стулом, встал, потянулся.

— Что-то я устал сегодня, друже. Пойду-ка приму душ, пока вода не остыла.

Сразу же за порогом глаза ослепили яркие предвечерние краски высокогорья. За баобабом, под которым приютились палатки отряда, теснились уже темнеющие холмы, которые за дальним эвкалиптовым лесом переходили в облитые лучами заходящего солнца каменные складки горного хребта. К вечеру разошелся полог сизых туч, и горные пики четко рисовались на алом зареве заката. Степан, никогда раньше не живший в горах, не переставал удивляться красоте и многообразию дамбинских закатов. На днях в это же время от самого высокого горного пика, за которым пряталось на ночь солнце, во все стороны пошли переливчатые широкие полосы то голубого, то золотого цвета — словно сияющий драгоценный кокошник надели на гору-красавицу. В другой раз черные тучи и горы залил тяжелый лихорадочно-красный свет. «Если бы такое увидел в нашем краю, решил бы, что быть буре», — подумалось тогда Степану. Той же ночью на палатки отряда налетел ураган с дождем и мелким, словно русская пороша, градом. Холодный ветер задувал в палатку, и Степан, проснувшись от шума града, поеживаясь под тонким одеялом, был тем не менее доволен донельзя. Хоть одна примета далекой Эфиопии совпала с русской, и уже не мелкий град, а будто белгородский снежок шуршал и барабанил по его палатке. Так и заснул тогда с улыбкой Степан.

Сегодня закат был мягок и тепел. Солнце тихо заползло за зубцы гор, посылая последние кроткие лучи деревьям и хуторам всего дамбинского края. Степан, на ходу стягивая с себя куртку, пошел помыться,— здесь, за углом их медпункта, стояла огромная железная

бочка, к которой внизу приделали трубу с приваренной, аккуратно продырявленной консервной банкой. Это и есть их «душевая». Открыв кран, Степан даже крикнул от удовольствия, когда струи нагретой солнцем за день воды ударили по уставшему телу. Он поднял голову и, открыв рот, жадно глотнул — вода чуть отдавала железом, но была приятна на вкус.

Сквозь шум воды Степан услышал гудок подъехавшей машины, хлопанье дверей, чей-то незнакомый голос.

Ну вот и чудесно, наверное, кто-то из друзей пожаловал в гости.

Степан любил беседы с новыми друзьями при свете свечи или костра. В колеблющемся пламени смуглые, тонкие лица эфиопов казались точенными из черного дерева, на них горели выразительные глаза. Степану не раз рассказывали, что до революции 1974 года эфиопские аристократы презрительно называли крестьян «не мычащим, а молчащим скотом». Крестьяне были забиты жестокими феодалами, бесправны в своем полукрепостном существовании; голодали, бедствовали. В 1974 году крестьянские и рабочие кулаки, винтовки солдат — тех же крестьян и рабочих, одетых в хаки,— обрушились на кичливое, надменное отродье в дворцовых мундирах, которое возомнило себя вправе вечно грабить и угнетать талантливый, сильный, с тысячелетними традициями народ.

Степан теперь не раз удивлялся, что именно эти простые эфиопы слыли в прошлом молчунами и дикушами. Новая жизнь сбила замók молчания с их уст. Степан с истинным наслаждением слушал рассказы своих новых эфиопских друзей. В них было все — боль и горечь прошлого, надежды на перемены к лучшему, гордость и горячая любовь к своей стране.

Степан торопливо оделся и, на ходу расчесывая мокрые волосы, выскочил из «душевой». Странно: на площадке перед зданием никого не было. В подступающем сумраке лишь сиротливо темнела незнакомая машина-вездеход. Тут же Степан услышал голоса за дверью медпункта. На простыне, заменявшей дверь, мелькали тени.

Откинув простыню, Степан заглянул вовнутрь. И, кажется, вовремя. Там пахло скандалом. Стоявший спиной к Степану незнакомец с толстой шеей и с забинтованной рукой совал другой рукой какие-то бумажки Александру Ивановичу. А тот, обычно улыбчивый и мягкий, нахмурил брови, отрицательно качал головой.

— Что здесь происходит? — вполголоса спросил Степан.

Вздрогнув, толстяк неуклюже повернулся, все так же держа перед собой руку с бумажками, — теперь Степан видел, что это были деньги. По оплывшему бабьему лицу, маленьким глазкам и длинным, до плеч седоватым, редким волосам Степан узнал визитера.

— Добро пожаловать, профессор Доул, — приветствовал он не-

жданного гостя по-английски.— Какими судьбами к нам и чем вы недовольны?

Профессор Доул, руководитель всей лютеранской миссии в Готто — а это был именно он,— медленно опустил руку с зелеными ассигнациями и так же медленно поднял другую, забинтованную руку:

— Здравствуйте, доктор. Вот я, сам медик, оказался в роли пациента. Был в деревне под Дамбо, менял лопнувшую шину, и домкрат, соскользнув, помял мне левую руку. Ваш фельдшер обработал и забинтовал ее.— Доул метнул злой взгляд на Александра Ивановича.

— Ну, что поранили руку — дело житейское, вам ее перевязали,— сказал Степан,— но вот не пойму, почему вы недовольны?

— Он не лечением недоволен,— проговорил по-русски молчавший до того Александр Иванович,— у него там пустяковая царапина. Не удивлюсь, если он ею воспользовался как предлогом, чтобы заглянуть к нам. Главное недовольство его, что я за перевязку денег не беру.

— А чего он их так настойчиво сует, девать, что ли, некуда?— спросил Степан.

— Проще простого, хочет поставить нас на одну доску со своими врачами-миссионерами из Готто, ведь те за каждый чих денег требуют.

Степан повернулся к профессору. Тот, хоть и не знал русского, видно, по тону понял суть разговора советских медиков. Что-то бормоча под нос, Доул никак не мог дрожащей рукой засунуть в карман ассигнации. Степан одобрительно кивнул.

— Правильно, профессор, деньги спрячьте. Мы лечим здесь, в Дамбо, по советскому принципу — бесплатно.

Доул положил наконец в карман смятые в ком ассигнации. И тут же, вытащив руку, он погрозил Степану пальцем и прокричал тонким сдавленным фальцетом:

— Знаю я — «бесплатно», все это ваша проклятая пропаганда!

Чем больше свирепел Доул, тем спокойнее становился Степан.

— Ну, если такова наша пропаганда, почему бы вам не ответить на нее подобной же пропагандой? Ведь вы видите — весь этот район обнищал в засуху.

Теперь Доул грозил Степану уже не пальцем — кулаком.

— Вот вы чего захотели, чтобы от дармовых приемов вся наша миссия в Готто в трубу вылетела! Не бывать тому!

Степан пожал плечами.

— Ну зачем эта демагогия? Кажется, вас бесплатно снабжают из Европы всеми лекарствами, их ведь покупают за счет пожертвований прихожан?

Доул от неожиданности опустил руку.

— Да, вижу, вы многое знаете,— прошипел он после угрюмой

паузы. Но тут же профессор-миссионер вновь вскинул руку, похоже, с торжеством. — Знаете вы, доктор Степан, похоже, многое, но далеко не все. И, главное, вы приехали сюда и уедете из Эфиопии беспорочным врачом-идеалистом. А я после пяти лет работы здесь уже купил виллу на самом берегу Балтики. Вам такая только во сне может присниться: старый дом из красного кирпича у сосен и дюн с собственным пляжем.

Степан, сузив глаза, шумно задышал. Тяжелый взор его уперся в ухмыляющуюся физиономию Доула.

— Знаете, Доул, вам в Эфиопии повезло не только с этой виллой, купленной на слезы и горе крестьян Готто. Вам повезло, что я до сих пор помню — мы в чужой стране. Но если вы сейчас же не уберетесь отсюда, я за себя не ручаюсь. Вон, стервятник!

Доул, глядя в бешеные глаза Степана, побледнел и попятился к выходу. Схватив и отбросив в сторону затрепавшую простыню, он нырнул в ночную темень. Вмиг взревел мотор машины. Она резко рванулась с места. Степан глубоко вздохнул и облизнул сухие губы, глядя на колыхающуюся в проеме двери, словно флаг капитуляции, надорванную белую простыню. На плечо легла легкая рука Александра Ивановича.

— Успокойся, Степан. Ты же знаешь, песенка этих врачей-мародеров спета, последние месяцы здесь доживают.

— Да, знаю, Саша, — выдохнул Степан. — Но все равно ненавижу их и им подобных — циничных мерзавцев, готовых и на умирающем ребенке делать бизнес...

В ЭФИОПИИ ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ

Поворот горной дороги оказался пугающе крут. Степан, поняв это, резко крутанул влево баранку своего «Москвича». Мало еще, еще, до самого упора. Теперь тормози, и поживей! Неожиданно «Москвич» повело на отполированной колесами базальтовой глыбе, через которую была пробита дорога.

Степан побелевшими пальцами стиснул руль, пытаясь выровнять машину. Кажется, поддается. Но, нет! Поздно! Справа у носа выросла каменная тумба. Проклятье! Глухой удар. Машина замерла на самом краю пропасти. Не выключая фар, Степан в горячке выскочил из машины и кинулся осматривать повреждение. Ощупав правое крыло, он вздохнул почти с облегчением: можно было ожидать худшего. Погнутое тумбой крыло застопорило колесо, но в остальном машина была невредима. Эта же тумба и спасла машину. За ней разверзлась такая глубокая пропасть, что шум речки на дне ущелья шепотом доносился сюда, к дороге. Заглянув в сырой мрак пропасти, Степан

поежился и полез в машину за фонариком. Нелегкая его дернула пуститься в путь под вечер по горной дороге! А все спешка и мысль, терзавшая его исподтишка, — как там, в Дамбо, товарищи, оставленные им на два дня ради поездки по делам в Аддис-Абебу?

«У тебя гипертрофированное чувство ответственности», — не раз говорил Александр Иванович, как правило, не без одобрения. Сейчас бы он ругнул его как следует. С полчаса Степан, чертыхаясь, возился с крылом и все же добился своего — отогнул его так, что освободил колесо. С облегчением разогнувшись, Степан выключил фонарик. В прохладной темноте, душистой от аромата окрестных эвкалиптовых зарослей, торжественными руладами звучал хор бесчисленных громкоголосых цикад. Степан не мог без улыбки вспомнить, как в один из первых дней своего пребывания здесь он, выехав за город, вскоре остановил машину — подозрительно нарастал шум в моторе. Только выйдя из машины, но не успев еще открыть капот, он понял, что причина его беспокойства не там. Чем дальше от города, тем громче и громче звучал торжествующий монотонный стрекот полчищ цикад — безвестных солистов сельской Эфиопии.

Все ощутимее становилась ночная прохлада и, будто в пику ей, ярче и ярче горели звезды тропического небосвода. Степан быстро нашел Большую Медведицу. Здесь, над Эфиопией, ее ковш был обращен книзу, словно изливая всю небесную благодать на древнюю эфиопскую землю. Из-за редкого облачка вынырнула полная луна, в ее холодном блеске засияло каменное полотно дороги, вылизанное машинами и копытами многих поколений вьючных ослов, мулов и лошадей.

«Пора и в путь, — решил Степан. — Здесь неподалеку есть поселок, кажется, Бутаре, заночую там, а утром обихожу раненое крыло машины, глядишь, к обеду поспею в Дамбо».

Когда через полчаса «Москвич» оказался на улицах Бутаре, Степан не удивился редким огонькам в домах. Он хорошо знал, что вдали от больших городов эфиопы привычно встают с петухами, но и ложатся, чуть стемнеет. Справа от дороги, выбиваясь из общего строя, мелькнул ярко освещенный дверной проем небольшой гостиницы. Степан тут же свернул вправо и подогнал машину под самую дверь дома. Раздвинув пластиковые шнуры, он вошел в совершенно пустой зал. За стойкой, положив голову на руки, дремала женщина. Натренированным ухом она услышала звуки шагов и подняла голову. Всклокоченные от сна длинные, лишь слегка вьющиеся волосы обрамляли юное лицо с нежными губами, под которыми на подбородке синели, по местному обычаю, легкие полосы татуировки. С сочувственной, чуть сонной улыбкой она выслушала рассказ о злключениях Степана. Но на его просьбу о ночлеге с сожалением покачала копной иссиня-черных волос. На ломаном английском языке, извиняясь, сообщила, что их небольшая, всего из

нескольких комнат гостиница полностью занята бригадой дорожных рабочих-ремонтников. Но потом, внимательно взглядевшись в Степана, спросила:

— А вы, случайно, не русский?

Степан хмыкнул:

— Русский, а что — на лице написано?

Девушка серьезно кивнула:

— Да, я вас так и узнаю — по лицам и глазам. И главное, я знаю русского, вернее, русскую, в нашем поселке.

— Здесь, в Бутаре, не может быть!

— Может, может. Зовут ее Таня.

— Но откуда она взялась и чем занимается?

— Год назад приехала из Москвы, она замужем за Абебе Менегешой, это который учился в Москве, сейчас он работает здесь агрономом.

— Ну, дела! — протянул Степан. — Вот не думал встретить здесь москвичей!

— Так вы прямо к ним и езжайте, — оживленно тараторила молодая эфиопка, сбросившая с себя остатки сна и явно довольная, что может помочь симпатичному русскому. — Сейчас направо до конца нашей улицы, потом еще раз направо в тупичок, в нем дом нашей Танюши. — Она выговаривала по-эфиопски мягко, получалось «Таньюши».

— У них с Абебе большой дом, наверное, место найдется.

Степан, несмотря на темноту тропической ночи, сразу нашел в Бутаре нужный ему дом. За решетчатыми воротами буйно цвела бугенвиллея, ее побеги и кисти цветов перевешивались через невысокую каменную стену на улицу. От гудка Степанова «Москвича» залаяла собака во дворе, минутой позже хлопнула дверь в доме, по дорожке затопали. Степан, оставив свет одних подфарников, тоже подошел к воротам. За ними возникла ладная фигура молодого эфиопа в пестрой рубашке.

— Здравствуйте, — сказал Степан по-русски, — не вы ли товарищ Абебе?

— Я, — тотчас отозвался хозяин дома. — Но какими судьбами и кто вы?

Не дожидаясь ответа, он уже распахнул створки ворот. В его речи не было и намек на акцент.

«Типичный московский выговор», — подумал Степан.

Он в двух словах рассказал о том, как очутился в Бутаре, и попросился на ночлег.

— О чем разговор, милости прошу к нашему шалашу. — И, повернувшись к дому, Абебе крикнул: — Эй, Танюша, выходи гостя встречать!

— Что за гость? Откуда? — спросил певучий голос.

На небольшой освещенной матовой лампочкой веранде появилась невысокая, чуть полноватая женщина в эфиопской полотняной блузе, заправленной в джинсы.

— Да вот русский врач из Дамбо, — сказал Абебе и, обняв Степана за плечи, повел навстречу жене.

— Господи, быть не может! — всплеснула руками Таня и, ускорив шаг, сама подошла к мужчинам.

Пожатие ее руки было теплым и сильным. Она жадно, словно у долгожданного родного человека, расспросила Степана о том, как он попал в Эфиопию, и о работе, и о том, как он очутился в их поселке. Посетовав на трудные местные дороги — головокружительный горный серпантин, Таня уже, как своего, взяла Степана под руку и повела в дом.

— Нет, у нас не погром, не пугайтесь, — со смехом проговорила она, войдя в комнату с веранды. Здесь были навалены груды игрушек, диванных подушек и одежды. — Это мы с Машенькой играли в сборы в дорогу, — и, чуть помолчав, уже без улыбки добавила: — Машенька просится в Москву, к бабушке и дедушке.

Абебе бросил на Таню быстрый взгляд, хотел было что-то ей сказать, но вместо этого обратился к Степану:

— Машенька — это наша дочка, она родилась в Москве.

— Мне уже тли года, — слышался тут же слабый голосок от двери. Там стояла очаровательная смугленькая девчужка с огромными карими глазами. Она без смущения протягивала гостью ручонку.

— Не «тли», а три, — вновь заискрилась смехом Таня. — Вот оно, наше сокровище. Ну, а теперь марш назад, спать пора.

И Таня с девочкой вышли из комнаты.

— Вы что, в семье только по-русски говорите? — спросил Степан хозяина, с любовью глядевшего вслед жене и ребенку.

Тот усадил гостя в кресло и, устроившись рядом, повернул к нему умное лицо с тонким, с горбинкой носом и небольшими щеголеватыми усиками.

— Да, мы чаще всего говорим по-русски, хотя и Таня и Машенька могут и по-амхарски объясняться. Ведь русский и для меня почти родной. Я говорю на нем с раннего детства, ну а слышу — с четырехмесячного возраста.

Его, четырехмесячного подкидыша, как рассказал Абебе, нашел на окраине Аддис-Абебы полицейский патруль. Кто его родители? Абебе так этого и не узнал. Может, это были беженцы из районов засухи, которая тогда свирепствовала в Эфиопии? В тех районах из-за равнодушия прежних властей погибли многие тысячи людей. Часто у крестьян, бежавших из страдающих от засухи деревень, хватало сил, только чтобы добраться до города, чаще всего это была Аддис-Абеба. Многие из них умирали от истощения уже в конце своего пути. Императорская полиция беспощадно очищала от голодающих, чуть

живых крестьян улицы Аддис-Абебы. Во время одной из таких облав и был найден маленький Абебе. Ему, считай, повезло: он попал в руки полицейского, у которого защемило сердце при виде беспомощного, дрожащего от холода малыша. Он отнес его в ближний госпиталь, где — опять везение — работала группа русских врачей. Именно они спасли его: вылечили, выкормили, заменили ему на несколько лет семью.

— Русский врач для меня и для моей семьи — святое понятие, — продолжал Абебе. — Шесть лет я жил у русских врачей. Одни после того, как кончался срок командировки, уезжали, их заменяли другие. Но все они, «русские хакиды», были для меня — я так звал их — папами и мамами. Многие из них приехали в Эфиопию, как и вы, Степан Федорович, без семьи. Они любили меня, как своих оставленных на Родине детей. Таня и говорит мне: «Ты такой заботливый, потому что о тебе пеклось так много людей».

Забота эта, что материнская рука, вела его по жизни. Вот он, худенький семилетний мальчишка, одетый в новенький костюмчик — его сшили русские медсестры, — волнуясь, поднимается на борт самолета, летящего в Москву. Он оглядывается и видит сразу всех своих русских пап и мам. Это благодаря их хлопотам ему разрешили ехать на учебу в Советский Союз. Вот он в ивановской школе рассказывает своим соученикам все, что знает о «русском эфиопе» — Ганнибале, прадеде великого Пушкина. Судьба Ганнибала, выходца из северной Эфиопии, покорила его мальчишеское сердце. Жадно перечитывая истории из жизни «арапа Петра Великого», Абебе стал и себя называть «русским эфиопом». Что ж, блестящим генералом, как Ганнибал, он не стал. Зато стал хорошим агрономом.

— И ничуть не жалею, — говорит Абебе. — Агрономы сейчас нам в Эфиопии очень нужны.

То, что Таня была отличной хозяйкой, Степан понял сразу после появления в этом доме, где все дышало теплом и уютом. Но сейчас она, кажется, превзошла саму себя. За то время, что беседовал Степан с Абебе, она не только уложила спать ребенка, но и будто скатерть-самобранку набросила на обеденный стол. Он был уставлен закусками и напитками.

Таня, чуть пригубив обжигающую «катикалу» (эфиопскую водку) и слегка закусив, встала и со словами: «Теперь самое время для музыки» — включила небольшой магнитофон.

Глухой мужской голос пел: «Когда от Родины вдали одной мечтой живу. Хочу зимы родной земли, чтоб сердце отогреть в жару».

Абебе заерзал на стуле.

— Таня, выключи, ведь опять расстроишься.

— Нет, зачем же, послушаем, — тихо сказала она.

Кончилась эта песня, зазвучала другая — «Русское поле». Степан

видел, как из Таниных глаз по щекам медленно заскользили бусинки слез.

— Вот так всегда, — Абебе нахмурился. — Степан Федорович, дайте сигаретку. Хоть и бросил месяц назад курить, не могу сейчас. Не могу видеть, как она тоскует по Москве, по московскому дому.

— А что я могу сделать с собой? — Таня вскинула мокрые глаза на мужа. — Каждую ночь мне снится наша улица, наш дом. Снится, как рыдают в два голоса мать и отец, провожая нас в чужую страну.

Абебе с яростью затушил сигарету о блюдец.

— Но это не чужая страна, Таня. Это моя и теперь твоя родина.

— Не говори так. У человека не может быть двух родин. Одна она и у меня, и у моей дочки — это Россия, Москва.

Она повернулась от замолкшего мужа к Степану.

— Что мне делать, Степан Федорович! Бог свидетель: я люблю Абебе, но умираю от тоски по дому, оставленным там близким, по маме и папе, у которых, кроме меня, никого нет.

Степан с горечью и болью смотрел на измученное, вдруг сразу постаревшее лицо Тани. Сколько ему уже пришлось повидать наших женщин, полюбивших иностранцев и бездумно упорхнувших в дальние страны! Ему было и жалко их и досадно: неужто не могли сразу догадаться о той душевной боли, на которую себя обрекали?

Степан, встав из-за стола, подошел к магнитофону, перемотал пленку и вновь включил «Русское поле». Повернувшись к Тане и Абебе, он сказал спокойно и твердо:

— Дорогие мои, вот что скажу — любите друг друга, любите Машеньку. Это одно спасение. А от тоски по Родине лекарства нет и не будет...

ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА

Торопливый бег пера по бумаге был неожиданно прерван. Прямо под авторучку с легким шелестом легла кисть причудливо вырезанных сиреневых колокольчиков. Степан глянул вверх: оттуда, из-под трепетных перистых листьев джакаранды, сорвалось мохнатое соцветие, словно ставя точку на его записях.

Тонкая джакаранда с нарядными сиреневыми кистями цветов казалась девчушкой рядом с растущим тут же, на вершине холма корявым мощным баобабом, под которым раскинулись палатки советского медотряда. Степан, а за ним Александр Иванович и Борис так и называли эту пару деревьев — «отец и дочь». Будто оберегая от злой напасти, «отец»-баобаб на высоте трех-четырёхэтажного дома простер длинную узловатую ветвь над легкой невысокой джакарандой. То ли от могучих побегов баобаба, то ли от плотной

джакарандовой листвы здесь было относительно сухо и в проливной дождь, тенисто, прохладно — в полуденную жару.

Степан давно облюбовал это место для отдыха. Время его уже вышло, Степану даже не нужно было смотреть на часы. Бегущая от лагеря на вершине холма тропинка, протоптанная «русскими хакимами» и большими в сочной густо-зеленой траве, выбегала вниз на широкую поляну. На середине ее кособочилось старенькое деревянное здание школы, к нему в этот час тропических сумерек со всех сторон текли людские ручейки. В школе по вечерам шли занятия, действовали курсы «ликбеза». Степан сегодня должен выступить на них, рассказать, как доступными средствами предотвращать инфекционные болезни, столь распространенные в Дамбо.

— Товарищ Степан, нам пора в школу, — услышал он прерывистый от быстрой ходьбы голос своего друга Тайе Ворку.

Повернув голову, Степан увидел тонкую, быструю фигуру Тайе в ладно облегачей его бежевой форме, в кепке такого же цвета с длинным козырьком. На кармане просторной рабочей куртки — эмблема «Земетчи»: две молодые руки бережно поднимали вверх изображение матери-родины, Эфиопии. Тайе и его друзья-студенты были «земетчевцами» — участниками национальной кампании, «Земетчи» по-амхарски. «Земетчевцы» — образованные юноши и девушки, прежде всего студенты, — их шестьдесят тысяч человек — после краха монархии на полтора года отправились в сельские районы Эфиопии. Поехали как посланцы молодой эфиопской революции. Чтобы учить и политической грамоте и просто азбуке крестьян, рассказывать им о тех переменах, которые произошли в Эфиопии после революции.

Степан сразу увидел, что Тайе не в духе. Обычно светящиеся умом и добротой черные выразительные глаза его были печальны.

— Эй, друже, что стряслось?

Тайе только махнул рукой:

— Ладно, Степан, пойдем в школу, всего сразу и не перескажешь!

— Ну, почему же, попробуй. Тем более время у нас еще есть — видишь, народ все еще подходит.

Тайе мельком взглянул на людей, тянувшихся с окраины Дамбо к школе. Потом со словами: «Ладно, расскажу» — сел на старую коровью шкуру, рядом со Степаном. Снял кепку, Тайе провел рукой по копной поднявшимся, непослушным волосам.

— Знаешь, Степан, нет в жизни ничего хуже, чем терять друзей.

— Конечно, если ты говоришь о настоящих друзьях.

— В том-то и дело, что не всегда узнаешь, это друг настоящий или только прикидывается им. Ты вот помнишь Аскалю?

— Это из ваших, «земетчевцев»?

— Да, с моего курса в аддис-абеском университете.

Степан кивнул.

— Только сегодня утром ее видел, приходила, просила бинты. Больных было много, и у меня не хватило времени ее расспросить, но подумалось, что, может, кто-то из вас поранился.

Тайе горько усмехнулся:

— Если бы это. Она взяла бинты, чтобы связать свой багаж.

— Зачем? Неужели?..

— Угадал, Степан. Пока мы ездили в соседнюю деревню, она на попутной машине вместе с Аберра Хайлю, еще одним нашим студентом, сбежала в Аддис-Абебу. На столе в общежитии мы нашли записку. Вот она.

Тайе, порывшись в кармане брюк, вытащил сильно смятую бумажку. Расправил и протянул Степану.

— Ты не поймешь, это на амхарском языке. Дословно тут сказано: «Больше не можем без дома. Возвращаемся в Аддис-Абебу. К тому же мы решили пожениться».

Степан удивился:

— Но, слушай, ведь эту красавицу Аскалю и тебя все называли женихом и невестой.

Тайе отвернулся, Степану показалось, чтобы скрыть слезы, неподобающие мужчине-эфиопу. Чуть погодя, не поворачивая головы, глухо, сквозь зубы, он сказал:

— Нужен я ей — ни кола, ни двора, да еще, как она иногда вроде в шутку роняла: «Пьяный от революции». Вот Аберра другой — и у отца его большая лавка на аддис-абеском рынке Меркато и сам он и к революции и к «Земетче» относится вполне трезво. Правда, занятия в школе, хоть и спуста рукава, но вел. Однако все время ворчал, что и трудно, мол, здесь, в Дамбо, ни удобств столичных, ни развлечений. Тут ему и Аскаля поддакивала. Я-то думал, что это было просто девичье легкомыслие...

Тайе опять отвернулся. Обеспокоенный Степан вскочил со skóry и нарочито бодро — чем еще помочь? — проговорил:

— Ладно, Тайе, не тужи. Значит, не была Аскаля твоим другом.

— Другом! Не другом, предателем она оказалась вместе с этим сыном лавочника Аберрой! Я знаю, почему они так сразу деру дали. — Тайе, передразнивая, тонко пропищал: — «Больше не можем без дома». Помнишь, Степан, ту весть из Боджиры?

В Боджире на днях бандиты, нагрянув ночью на деревню, схватили троих «земетчевцев», заперли их в старом соломенном тукуле и подождли его. Ребята не взяли с собой оружие: ведь шли-то на воскресное гулянье. Тайе еще проводил вечером собрание с товарищами, говорил, что нельзя ни на минуту терять бдительность, классовая борьба не знает передышки. А на следующий день двое малодушных «проголосовали» своим уходом и против борьбы и против «Земетчи».

Степан хорошо понимал Тайе, когда тот назвал беглецов «предателями». Они предали то дело, которым заняты «земетчевцы».

Невежество было страшным оружием в руках владык монархической Эфиопии. Они всеми силами стремились ограничить распространение образования, которое считали угрозой монархии. Невежественный человек — вне политики, и поэтому в основном лишь элиту, преданных режиму людей, допускали к знаниям. И только семь из ста эфиопов знали до революции хотя бы азы грамоты. В начальный, самый трудный период революции во главе борьбы с массовой неграмотностью шли студенты, «заметчевцы».

— Ладно, «заметчевец», не вешай носа, главные трудности еще впереди. Видишь, уже люди собрались в школе.

И Степан протянул руку все еще сидевшему Тайе. Тот сам вскочил на ноги, нахлобучил кепку, и они со Степаном стали спускаться на поляну у школы. У самого здания — небольшая молчаливая группа «заметчевцев»: все уже знали о беглецах. Чем ближе подходил к ним Степан, тем явственнее видел, что на лицах студентов растерянности не было. Были суровость, решительность, хотя и отравленные неожиданной вестью. Правда, особенно переживать некогда. Мимо «заметчевцев», здороваясь, кланяясь, дружески похлопывая их по плечам, шли и шли в школу люди. Среди них были пожилые крестьяне и крестьянки. Немало и молодых матерей, прихвативших с собой на занятия грудных детей. Степан не раз удивлялся — привязанные за спину матери шаммой-накидкой эти эфиопские детки, казалось, никогда не плакали. То ли это жило в крови крошечных представителей многотерпеливого народа, то ли было результатом особого воспитания. Степан замечал: только малыш залопочет, заворочается за спиной у работающей матери, как та тихо и ласково скажет ему: «ши-ши-ши». И тот, словно что поймет, вмиг стихает.

Во всяком случае, дети не мешали занятиям на курсах «ликбеза», даже если их оказывалось полкласса, как в комнате, куда Тайе привел Степана. Женщинам-матерям разрешали брать детей на занятия, оставляя их чаще всего было не на кого. Мужчины не то чтоб смотреть за детьми, нередко вообще были против учебы своих жен. Зачем, мол, исстари в Эфиопии женщин не учили грамоте, умней нас хотите стать?

Но, несмотря на все это, женщины, столь забитые в прежней Эфиопии, почти сплошь неграмотные, тянулись к знаниям. Они хотели новой жизни, они боролись за нее.

В небольшой классной комнате Степан увидел одних женщин. Нет, вот одна семейная пара — мужчина, уже в годах, с женщиной помоложе. Когда вошли Тайе со Степаном, все, как школьники, дружно встали из-за длинных старых, залитых чернилами и испи-санных ребятишками столов, хором ответили на приветствие. Степан заметил: в дальнем углу комнаты, у окна, всю длинную лавку, до блеска отполированную несколькими поколениями школьников, занимала молодая женщина с детьми. У женщины усталое лицо, на плечи ее была наброшена черная шамма, вокруг головы повязан

черный тонкий платок в знак траура, видимо, по близкому человеку. Рядом теснились четверо на удивление тихих мальчишек — один меньше другого. Старший, лет восьми, сидел возле матери и старательно перерисовывал вычурные буквы амхарского алфавита из ее раскрытой тетради. Другие, сдвинув лохматые головки, рассматривали потрепанную книжку с картинками, похоже, букварь.

Степан медленно, стараясь говорить понятней, рассказывал о простых, но очень нужных этим людям вещах. Приходилось Тайе делать частые паузы для перевода с английского, мало известного в эфиопской глубинке, на распространенный почти по всей стране амхарский язык. Многим мог бы поделиться Степан со своими слушателями. Но главное средство борьбы с широко распространенными в Дамбо болезнями — изменение уклада и уровня жизни — было еще впереди, в не очень близком будущем. И сегодня Степан мог говорить лишь о полумерах, хотя и они были крайне нужны, чтобы на вопрос врача: «Сколько вам лет?» — дамбинец не отвечал: «Очень много, уже сорок». В этом краю средняя продолжительность жизни была меньше тридцати пяти, люди гибли от болезней и лишений в самом расцвете сил.

Семья на задней скамейке — женщина в трауре и ее ребятишки глядели на него во все глаза. Эти блестящие глаза, лица, похожие как две капли воды, помогли Степану вспомнить. Женщина в черном вместе со своими ребятишками недавно приходила к нему. Ее мальчишки притащили домой несколько жестяных консервных банок от сгущенки и детского питания — врачи медотряда кормили самых болезненных и ослабленных маленьких пациентов. При местной бедности даже жестяная банка считается ценностью, из нее умельцы изготавливают кружки, чашки. Вот женщина — ее, помнится, звали Цехай — пришла к Степану спросить: правда ли, что врачи выбросили эти жестянки? Неужели не нужны они им? Значит, можно взять их? Та история вновь убедила Степана, что деликатность и честность были в крови у местных крестьян.

После выступления Степана подошло время обычного двухчасового урока курсов «ликбеза» — занятий вначале амхарским языком, затем азами арифметики. Женщины громко, от души зааплодировали: так здесь благодарили учителей, отмечали особо удачный ответ у доски. Вместе с Цехай на последней скамейке истоиво били в ладоши, смеясь, четверо мальчишек. Степан не мог не улыбнуться в ответ на их белозубые улыбки. По местному обычаю он низко поклонился, прижав руку к груди, и вместе с Тайе вышел в коридор.

— Послушай, друже, — спросил он, — что это за женщина, там, в дальнем углу класса? И почему она носит уже давно свой траурный наряд?

— А, ты про Цехай? Это она по убитому мужу.

— По убитому? Кем, бандитами?

— Нет, здесь другая история. Ее муж убит еще до революции американцами.

— Американцами? Как и где?

Тайе показал Степану рукой на низкий подоконник, сел и сам. За окном уже разлилась тропическая темень, от этого стало по-особому уютно в узком чистеньком коридорчике. Он был пуст в этот час занятий, лишь у порога чутко дремал старый пес.

— Я говорю, что мужа Цехай, Эндале, убили в 1972 году, за два года до революции, хотя официально власти Дамбо заявили, что, мол, он сам виноват, по неосторожности попал под машину американцев.

— А что делали американцы в Дамбо?

— Да проездом здесь оказались. Ехали американские военные спецы из Аддис-Абебы на нескольких вездеходах-лендроверах на «сафари» — охоту на зверей, наверное, на антилоп, к югу от Дамбо. Дорога шла по ровному месту, дело было средь бела дня, как мог Эндале не заметить машину и попасть под нее? Сбили-то Эндале у противоположной движению обочины дороги, там он лежал, когда чуть погодя к нему подбежали всё видевшие крестьяне с соседнего поля. Они рассказывали, что машина шла на полной скорости, виляя из стороны в сторону, словно за рулем сидел в стельку пьяный шофер. Машины, следовавшие за этой, лишь на несколько минут остановились у тела Эндале и тут же помчались дальше. Это время шоферу первой машины, грузному краснолицему американцу, понадобилось, чтобы положить бумажку на грудь сбитого человека.

— А что за бумажка?

Тайе затянулся сигаретой и, выпустив дым, медленно, сквозь зубы процедил:

— Ассигнацию в сто долларов.

— Не может быть!

— Так и было, дорогой доктор, было — и не раз — в прежние времена. Американцы чувствовали себя полными хозяевами в Эфиопии при старом режиме: бывало, собьют эфиопа, бросят, как подачку, доллары на еще теплое тело жертвы и уезжают восвояси — власти всегда брали их под защиту.

— Но это же чудовищно, в это невозможно поверить!

— Да вы, доктор Степан, сами расспросите Цехай, она вам все в подробностях расскажет, я-то говорю с ее слов. И история еще не вся, у нее было не менее грязное продолжение.

— Да уж куда дальше?

— Когда крестьяне отнесли Эндале домой и Цехай в беспамятстве билась в слезах у тела мужа, ее брат Фикре схватил доллары и побегал со свидетелями за защитой к помещику, он же и судья, Иссату Лебесо. Первое, что он там увидел, — три американских вездехода-лендровера. Сами пассажиры в это время, сидя на веранде помещицкого дома, обедали, их веселый гогот был слышен по всей

округе. С большим трудом Фикре уговорил «забанью» — помещичьего охранника сообщить о нем Иссату Лебесо. Фикре даже не впустили во двор дома. Помещик в окружении слуг вышел сам за ворота и тут же напустился на Фикре с бранью. Что, мол, беспокоишь, не видишь, высокие гости с письмом от самого губернатора. Когда же Фикре, низко кланяясь, стал робко жаловаться на убийц, помещика чуть удар не хватил. Он подскочил к Фикре и, схватив его за плечи, стал трясти и кричать, что он знает местных крестьян, наверное, со скалы Эндале по дурости свалился, а вину хотят свалить на достопочтенных «ференджи» — иностранцев. «Да нет же, — объяснял Фикре, — есть свидетели, да и деньги, доллары оставили убийцы». «Доллары, — переспросил помещик. — А где они?» Фикре протянул столдолларовую ассигнацию помещику, у того алчно сверкнули глаза. Выхватив зеленую бумажку, он посмотрел на свет — не фальшивая ли? — и без колебаний опустил ее в свой карман. Фикре же было сказано, чтобы гостей больше не беспокоил и приходил завтра — помещик во всем разберется.

Тайе сделал еще паузу, докуривая сигарету.

— Как же он разобрался? — спросил Степан.

— Разобрался по-своему, по-помещичьи, — зло хмыкнул Тайе. — Утром Фикре уже не увидел вездеходов у помещичьего дома, американцы укатили на свое «сафари». Помещик вышел к Фикре хмурый, одутловатый, с глазами, красными от загульной ночи. На поклон Фикре не ответил, удостоил его всего несколькими словами. Из них явствовало: Иссату Лебесо выяснил у «ференджи», что виноват сам Эндале, который неосторожно полез под их машину.

— И чтобы не смел больше приставать с этим вопросом! — прокричал он прямо в лицо Фикре. — Я, как местный судья, дело закрываю.

Он было собирался нырнуть в дом, но Фикре протянул к нему руки:

— А деньги? Где деньги?

— Какие деньги? — неохотно остановился помещик. — Ах, это ты о долларах. А ты разве не знаешь, что, по законам нашей империи, ты не имеешь права хранить у себя иностранную валюту? Я эти доллары у тебя конфискую.

Фикре хотел что-то сказать.

— Но я же, — не дал ему выговорить и слова помещик, — тебя прощаю. Больше того, по доброте своей дарю телянка вдове погибшего Эндале, пусть вырастит из него корову.

Иссату Лебесо сунул руку под нос Фикре, и он от растерянности сделал то, что делал уже до этого сотни раз, — поцеловал ему руку. Тот хмыкнул удовлетворенно и шагнул за дверь. Она натужно скрипнула. Фикре встрепенулся и увидел маленького, худощего, кожа да кости, телянка, которого подвели к нему помещичьи слуги. Ему сунули конец веревки в руку и вывели за ворота усадьбы. И только тогда Фикре

вышел из оцепенения и, уткнувшись в железные ворота, сдавленно зарыдал. Там, за воротами, умерла последняя тщетная надежда на справедливость. А у него на руках оставалась многодетная, убитая горем сестра.

Степан тяжело вздохнул:

— Страшная история, Тайе.

Тот покачал головой:

— Типичная для нашей тогдашней жизни. Когда мне ее Цехай рассказывала, я еще подумал: от одной такой истории становится понятным, почему мой народ с яростью поднялся против власти феодалов, помещиков, их заморских союзников.

Тайе уже не сидел на подоконнике, он мерил шагами небольшой коридор. Степан не раз замечал, как приводят в волнение большинство эфиопов воспоминания о старых порядках. В эти минуты словно разряд высокого напряжения проскакивал между двумя полюсами жизни — прошлой и настоящей, совсем еще близкими по времени, но необозримо далекими по социальным ценностям, по отношению к простому человеку, его заботам и чаяниям.

Дойдя до противоположного конца коридора, Тайе приоткрыл дверь и просунул в щель голову. Через секунду он повернулся к Степану и поманил его. Тайе распахнул дверь. За ней была залитая светом комната, а все стены увешаны бумажными квадратами с буквами амхарского алфавита, крупно начертанной цифирью, яркими рисунками. За столами сидели «заметчевцы».

— Здесь мы готовим пособия для курсов «ликбеза», — объяснил Тайе Степану. — Видишь, вот у ребят большие трафареты для букв, мы их вырезали из старых шин. Они по ним проводят кистью с красной краской, и на бумаге получаются крупные буквы, их используют для обучения неграмотных.

— А это что за мозаика, из бусин как будто?

Тайе довольно улыбнулся:

— То не бусины, а спелые зерна кукурузы. Видишь, Негаш выкладывает из них целое слово, скрепляя их на картоне клеем. Получилось: «Абиот» — «Революция». Такие пособия из зерен кукурузы, фасоли, тэффа — изобретение Негаша Тадессе. Он правильно рассудил, что дамбаинским крестьянам будет интересней, увлекательней, что ли, учить буквы, сделанные из привычных им зерен кукурузы или тэффа. В общем, хлеб знаний почти в буквальном смысле.

Степан заметил картину, висящую тут же, среди букв и цифр. Он подошел ближе, взгляделся в уверенные мазки. Художник изобразил на картине уступ над пропастью, к которой шла, вытянув руки, женщина в темной накидке-шамме, глаза ее были закрыты плотной повязкой. Навстречу ей бежал юноша с факелом и явным намерением не допустить ее падения, сорвать с глаз повязку. Тайе, стоя за спиной, объяснил:

— Это наша агитационная картина, думаем повесить ее у входа в школу. Как ты понимаешь, женщина слепа от невежества, наследия прошлого. Ну, а юноша — это наш брат «земетчевец», вон и форму художник изобразил бежевую, с эмблемой «Земетчи».

— Но нарисовано-то просто здорово, — сказал Степан. — Смотри, какими мрачными красками выписана пропасть, какими живыми кажутся фигуры женщины и юноши. Что за художник?

Тайе промолчал. Степан вопросительно посмотрел на него. Тот, отвернувшись, что-то переставлял на столе.

— Извини, друже, но ты не ответил на мой вопрос: кто рисовал эту картину?

Тайе, не отрываясь от работы, пробормотал:

— Да я рисовал ее, ничего особенного.

— Как ничего особенного? Ты зря скромничаешь. Я, понятно, не искусствовед, но все-таки вижу: хорошая работа. Особенно тебе удалась женщина, смотри — на лице мука, руки со страхом протянуты вперед, что там? Какая опасность? И лицо ее мне кажется очень знакомым!

Степан подошел еще ближе к картине.

— Пстой, пстой, это не Цехай ли ты нарисовал на краю пропасти?

— Да, ее. Она же живет в тукуле рядом с нашим общежитием, раза два мне позировала, когда у нее дел было немного. Вообще же она у нас за повариху, а ее малыши нам здесь, бессемейным, в утеху и радость. Когда мы прибыли в Дамбо, им было нелегко. Фикре ушел в армию, семья только и жила на то, что он пришлет. Работу Цехай находила случайную, да и куда ей с четырьмя малышами? Тукуль у них совсем обветшал, покосился. Мы в первые дни после устройства починили Цехай ее хижину, укрепили стены, перестлали солому на крыше. Вот было радости малышам, особенно старшему, Тесфайе. Он вовсю помогал нам: и жерди подтаскивал и охапки соломы. А то еще устанешь после работы, стоишь, куришь, а он тут как тут. Пристроится рядом, тихонько прижмется к твоей ноге и молчит. Только улыбнется жалобно, когда погладишь его по густым волосам. Видно, стосковался по мужской, отцовской ласке. А парнишка смышленный. Я ему по приезде показал только, как пользоваться карандашами, а он сейчас уже бойко и похоже рисует и мать и братьев. Хочу вот добиться, чтобы его отправили учиться в Школу искусств в Аддис-Абебе. Сейчас, после революции, это стало возможным.

Степан, слушая Тайе, продолжал смотреть на Цехай, изображенную на картине. И виделась ему уже не просто женщина с трагической судьбой. Это была сама Эфиопия, доведенная до трагической участи прежней правящей камарильей. И у этой женщины и у ее родины достало сил с помощью революционной молодежи повернуть вспять от

бездны. «Цехай» — в переводе с амхарского означает «солнце». И над небольшой семьей и над Эфиопией поднималось горячее солнце новой, нелегкой, но по-настоящему счастливой жизни.

ПРАЗДНИК НА ПРОЩАНИЕ

Степан зажмурил глаза. Яркий, кинжальной остроты солнечный луч, прорвав толстое брюхо уходящей на юг дождевой тучи, полоснул по окнам их гостиницы. Вчера, уже в темноте, усталые и пропыленные после долгой дороги из Дамбо, они замертво свалились на постели в отведенных им номерах «Рас-отеля» в Аддис-Абебе. Степан перевел: «рас» по-амхарски означает «князь». В общем-то заурядная гостиница с небольшими комнатками и обветшалой пыльной мебелью. Однако после их походного, палаточного житья-бытья и этот комфорт казался воистину княжеским. Здесь им предстояло провести несколько ночей перед отъездом на родину. Неужто минуло уже полгода, как они прибыли сюда, в Аддис-Абебу, по дороге в Южную Эфиопию? Сейчас все мысли Степана в Москве — как там семья, близкие, работа! Уезжают они довольные. Сделано много, они оставили там, в Дамбо, добрую славу о «русских хакимах». У такой славы, как и у хорошей песни, долгая жизнь. Но в то же время чуть грустно — как при расставании с прежде чужим человеком, который вдруг пришелся по сердцу, полюбился.

Мимо окон номера Степана течет густой поток автомобилей, слышатся громкие гудки клаксонов. Отвык он от них в патриархальной тиши Дамбо. «Рас-отель» выходит на Черчилль-роуд, оживленную и, пожалуй, самую красивую аддис-абесскую улицу. Столица Эфиопии лежит на высоте двух с половиной километров над уровнем моря, на дне зубчатой чаши, образованной островерхими горными вершинами, и Черчилль-роуд бежит со склона одной горы, на которой стоит железнодорожный вокзал, к другой, еще более высокой. На ней словно гигантский каменный журавль вытянул шею и раскрыл крылья, вот-вот взлетит: такую необычную форму имеет здание городского муниципалитета.

Степан, оторвавшись от окна, глянул на ручные часы. Демиссие и Йоханнес, приехавшие, чтобы проводить «русских хакимов», пригласили их на сегодняшний праздник с чудным названием «Мескаль». Сбор назначили у подъезда в четыре, сейчас только три, значит, он может, по своему обыкновению, прогуляться по городу.

Освободившееся от туч солнце жадно пило дождевые лужи на тротуарах широкой Черчилль-роуд. От воды шел легкий пар.

Здесь, в горах тропиков, Степан, как нигде, чувствовал яростную мощь дневного светила. Александр Иванович, который из-за возраста

был еще более восприимчив к неистовству местного солнца, не раз приговаривал:

— Солнышко здесь не простое, тропическое. Да к нему еще на два с половиной километра поближе, вот оно и жарит так, что и сквозь легкую рубаху пробивает, тело смуглеет, как на хорошем пляже.

Навстречу Степану катила яркая, пестрая, разноязычная толпа. Были тут и городские модницы с модниками в европейских одеждах, в джинсовых брюках и куртках, и в традиционных накидках-шаммах жители окрестных деревень, крестьяне из самых многочисленных в стране народностей амхара и галла. Сновали со своими лотками мальчишки-подростки. Эритрейцы, определил Степан. Угадать было нетрудно, большинство столичных торговцев и таксистов, много рабочих и служащих — выходцы из северной провинции страны Эритреи. По своеобразной прическе, для которой использовались и красная глина и птичьи перья, Степан определил мужчин-бумме — эта народность живет на крайнем юго-западе Эфиопии. Чуть дальше звонкими голосами щебетала группа женщин в легких ярких платках и бархатных, с золотым шитьем, узких брючках по щиколотку. Степан мог честно признаться, что и его не оставила равнодушным тонкая красота смуглых большеглазых лиц харарок. Женщины из Харара, на востоке страны, считаются одними из самых красивых в Африке. В Аддис-Абебе можно встретить представителей, пожалуй, всех из более чем двух сотен эфиопских народностей и племен.

В эфиопской прессе — Степану не раз встречалось — называли Аддис-Абебу «городом эвкалиптов». Это дерево, завезенное в Эфиопию в конце прошлого века из Австралии, нашло здесь жаркое солнце, обилие влаги и горные почвы, словно специально предназначенные для него. От нескольких ростков за столетие поднялись обширные эвкалиптовые леса. Видел их Степан в Дамбо, зеленым поясом окружают они и Аддис-Абебу, клиньями врезаясь в окраинные районы. Эвкалипты — это не только украшение городского и сельского пейзажа. Из этого дерева эфиопы строят дома и делают домашнюю утварь, эвкалиптовыми дровами топят дома зимой, которая приходится на период «больших дождей». Ливни обрушиваются на Аддис-Абебу и окрестные высокогорные районы с июня, а иногда и мая по конец сентября, когда начинается праздник Мескаль, который Степан с товарищами и собирается посмотреть. Они тоже пострадали в Дамбо от этих «больших дождей».

От холодных дождей, иногда с мелкой ледяной крупкой, температура на эфиопском высокогорье, несмотря на тропические широты, ночами падает до нуля. Это для бедноты — сущее бедствие. Влага проникает сквозь соломенные крыши тукулей, тропические ливни заливают низины. С сыростью и холодом приходят простуда и другие болезни. Мрачнют лица обычно сдержанных эфиопов-горцев, когда плачет, надрывается застуженный ребенок.

Внезапность смены погоды — черта, присущая климату Эфиопии. Тучи вдруг исчезли, вместо их серого савана по ярко-синему умытому небосводу бегут веселые кудрявые облачка, палящее африканское солнце быстро сушит застойные дождевые лужи. Как тут эфиопу не радоваться солнцу, теплу, здоровому смеху детишек! И как не веселиться на столь удачно подвернувшемся празднике Мескаль, который становится символом окончания зимних больших дождей, праздником эфиопской весны!

— Эй, подожди, никак тебя, длинноногого, не догоним,— услышал вдруг Степан голос Александра Ивановича. Оглянувшись, он увидел, что к нему спешили Александр Иванович и Борис вместе с Демиссие и Йоханнесом.

— Ну, спасибо швейцару «Рас-отеля», правильно заметил, куда ты пошел,— довольно басил Александр Иванович, подойдя к Степану и чуть отдышавшись.— Вот ребята пришли пораньше, предлагают перед тем, как идти к ним домой, посмотреть, как жгут главную «демеру» — праздничный костер в центре Аддис-Абебы.

— Я — за,— ответил Степан, пожимая руки Демиссие и Йоханнесу.— А где это?

— Да тут с километр от вашей гостиницы, можно пешком пройти,— сказал Демиссия.— По случаю праздника он надел белоснежные «шемис» и «сури» — эфиопские национальные брюки-галифе и рубашку навыпуск. Поверх была наброшена праздничная, с ярким богатым узором-вышивкой шамма.

— Вам просто повезло, что вы оказались в Аддис-Абебе в эти дни,— добавил Йоханнес. Он был одет в такую же национальную одежду, только узор по кайме шаммы у него был попроще. На белизне домотканого полотна его одеяния еще ярче чернела кудрявая, тщательно расчесанная борода.— И поэтому не будем терять времени, церемония скоро начнется.

Сначала по пальмовой аллее, затем мимо городского стадиона они пошли на звуки музыки — звенели трубы, громко и торжественно ухали барабаны. Вскоре они приблизились к огромной толпе народа, священников, почетных гостей. Главная «демера» Эфиопии весьма внушительного размера. Гигантский конус из жердей, поленьев и хвороста поднимался на высоту трех-четырёхэтажного дома. Степан и его товарищи видели, как торжественная церемония из одетых в золотканые ризы священнослужителей, служек с парчовыми зонтами под звуки музыки шла и шла вокруг главной «демеры». Чуть погодя мэр города, взяв в руки факел, поджег «демеру». Народ, охнув, откатнулся от гигантского костра, взметнувшегося пламенем и искрами в поднебесье. Но когда огонь стал стихать, толпа опять подступила к нему, самые храбрые хватали головешки и быстро убегали.

Борис, стоявший ближе всех к огню, остановил одного из мальчишек и что-то его спросил. Тот тащил головешку.

— Что он тебе сказал? — поинтересовался Степан, когда мальчишка, что-то прокричав Борису, побежал своей дорогой.

— Он несет огонь, чтобы разжечь собственную «демеру», которую соорудил отец, — ответил Борис.

— У нас в народе бытует поверье, что если ты разожжешь свою «демеру» от главной, это принесет тебе удачу, — объяснил Йоханнес. — Что, Демиссие, не попробовать ли и тебе взять головешку от этой «демеры»?

— Не получится. Эвкалиптовая головешка очень быстро тлеет, нужны резвые мальчишеские ноги, чтобы успеть донести ее до дома. А у меня, — вздохнул Демиссие, — и годы не те, да и дом мой на окраине, далеко отсюда.

— Тогда как раз такси кстати. — Степан показал на сине-белый «фиат», который медленно пробирался через запрудившую всю улицу толпу.

Они замахали шоферу руками. Когда тот подрулил к ним, Степан заметил, что и у него через плечо была перекинута праздничная шамма с яркой каймой.

— Вижу, что Мескаль у вас очень популярен, — сказал Степан севшему к ним на заднее сиденье Йоханнесу. Тот, аккуратно расправив шамму, кивнул.

— Во многих домах жгут у нас в эту праздничную ночь «демеру», — сказал Йоханнес Степану. Пояснил: — В домах, где есть взрослые мужчины, ибо, по традиции, только они могут участвовать в этой церемонии и строить «демеру».

— Строить? Ты не оговорился, сказав это слово?

— Отнюдь. «Демеру» именно строят, и это требует немало труда и сноровки.

Старейший мужчина в доме выбирает место, где будет стоять «демера». Это в том случае, если у тебя новый дом. Если же дом старый, то место для «демеры» выбрали твои предки, оно хорошо видно по проплешине на земле. Здесь, во дворе, и начинают сооружать «демеру». Для этого втыкают в середину проплешины длинную, толстую и прямую ветвь эвкалипта, она будет осью пожараща. К ней под углом по кругу прилаживают такие же, но потоньше эвкалиптовые ветви. На них оставлены листья, и, когда огонь займется, они будут так славно пахнуть. Ну, а затем остов «демеры» доверху заполняют лапами туи.

— Ты забыл, — вставил Демиссие, — что для красоты сверху «демеры» укрепляется пучок цветов мескаля.

— Да, правильно, эти цветы мескаля, как золотая корона, венчают верхушку «демеры».

Цветы мескаля не зря названы в Эфиопии именем праздника, ибо словно созданы для него. Степан видел — это произошло недели за три до их возвращения в Аддис-Абебу, — как на полях вокруг Дамбо случилось чудо — зеленое полотнище трав словно загорелось золотым

огнем. Мириады золотисто-желтых цветков с оранжевыми пятнышками-вспушками на всех восьми лепестках чуть ли не в одну ночь распускаются почти по всей горной Эфиопии. Словно драгоценное покрывало накидывает природа на эфиопскую землю, украшая ее к празднику. Цветы мескаля — визитная карточка эфиопской весны, и их жизнь столь же быстротечна, как и весенний период в Эфиопии. Демиссие рассказывал Степану, что как только солнце начинает пригревать сильнее, цветки исчезают так же мгновенно, как и появились. Уже через несколько дней после праздника бескрайнее золотое поле пропадает, весенний наряд на целый год прячется в подземные кладовые. Эфиопы любят желтые цветы мескаля, букеты их с легким пряным ароматом можно увидеть в руках и женщин, и детей, и мужчин. И лучший букет цветов мескаля эфиопы припасают для праздничной «демеры».

Такси подъехало к небольшому дому Демиссие, окруженному каменным забором. Навстречу, в сумерки, пробиваемые светом лампы у входа, вышел народ, взрослые и дети. Впереди шли отец и мать Демиссие в праздничных нарядах. Отец, Бекеле, был одет, как водится, в «сури» и «шемис». На матери, Таботу, — длинное, до пят, платье, расшитое поперечными зеленоватыми полосами с какими-то цветами по белому полю. После приветствий все гурьбой вошли в небольшую комнату.

— Здесь, — объяснил Демиссие, — они передохнут перед тем, как отправиться зажигать «демеру».

— Слушай, а что за диковинные цветы на платье твоей матери? — спросил шепотом Александр Иванович у Демиссие.

— Какие цветы? Ах, на платье! А тебе они кажутся цветами? На самом деле это небольшие эфиопские кресты, ты же знаешь, немалая часть нашего народа — православные христиане. Но эти кресты так искусно и замысловато вышиты, что действительно напоминают распутившиеся цветы. Мать у меня мастерица, она не только себе, но и родственницам украсила платье.

Степан пригляделся и увидел, что все женщины большой семьи Демиссие — а у него восемь старших братьев и сестер, цифра, обычная для Эфиопии, — были одеты в платье с богатой вышивкой. Такое платье вместе с легкой накидкой-шаммой, по традиции, любимый праздничный наряд многих эфиопок, и молодых и постарше. Но что любопытно, в бесчисленных мастерских в городах и поселках вышивают и шьют в большинстве своем мужчины, лучшие из мастеров известны далеко за пределами родных мест.

Хлопнув дверь, на пороге показались Демиссие и Йоханнес с охалкой, как показалось Степану, длинных поленьев. Подходя к каждому из мужчин в комнате, они с поклоном вручали «полешки».

— Зачем они? — поинтересовался за всех Борис, которому Йоханнес дал сразу три «полена».

— Так это же «чиббо», — пояснил он. — Связанный из хвороста и коры эвкалипта факел для «демеры», его положено иметь всем мужчинам на празднике.

— Что, сам делал? — поинтересовался Александр Иванович.

— Да, вместе с Демиссие. Правда, их можно купить на Меркато в канун Мескаля, но я люблю делать сам, тем более для праздника с такими дорогими гостями. А потом это тоже удовольствие — делать «чиббо». Сегодня рано утром, когда мы пошли в эвкалиптовый лес, что за домом Демиссии, там было уже полно мужчин. Мы выбирали сухие длинные хворостины для факела. Потом уже дома перемешали их с полосками сухой коры эвкалипта и связали все вместе. «Чиббо» были готовы.

— Пора, — раздался тут голос Демиссии. — Время жечь «демеру».

Все разом заговорили. Женщины остались дома — готовить праздничный стол, а мужчины с шумом вышли на улицу. Хотя всего восемь часов вечера, на дворе ни зги не видно, ночь наступила быстро на небосводе высыпали крупные звезды. От спички сухой хворост и эвкалиптовая кора вспыхивают вмиг, и все, держа жарко полыхающие факелы-«чиббо», идут в дальний угол двора, где темнеет конус «демеры», раза в два выше человеческого роста. Степан оглянулся и ахнул: вся дорожка за ним покрыта роем тлеющих угольков. Ай да факел! Тут действительно поймешь, почему зажечь «демеру» считается у эфиопов ответственным делом. Одним таким стреляющим искрами факелом-«чиббо» можно спалить целую деревню из крытых соломой тукулей-хижин и деревянных построек. Но у Демиссии дорожка асфальтированная, стены дома каменные, так что огненная феерия приносит только радость. Оставляя за собой сверкающий след, подошли к «демере». «Русских хакимов» ждали и, похлопывая дружески по плечам, поставили в круг. Грянула песня. Приплясывая при свете факелов, под их треск и под рокот барабанов людская цепочка закружилась вокруг еще темного конуса «демеры». Но вдруг все остановились, повернулись к «демере» — Степан, Александр Иванович и Борис вместе со всеми. И тут же по команде Демиссии все просунули свои факелы-«чиббо» между эвкалиптовыми жердями прямо в сердце «демеры». И она, словно ждала этого момента, вмиг вспыхнула, занявшись сразу со всех сторон. В черное небо взметнулся высокий и узкий язык пламени, жарко затрещали эвкалиптовые ветви, обрамляя роем искр огненный столб. Раздался одобрителный людской ропот — такой красоты костер-«демеру» мог создать только настоящий мастер. Завтра расскаж о чудесной «демере» облетит окрестности. Людская молва в Эфиопии работает быстрее почты и точнее вечно барахлающего телефона.

Вновь забили барабаны, заныли «масэнко» — однострунные эфиопские скрипки, с песнями закружил мужской хоровод. Степан любовался освещенными костром ладными мужскими фигурами

в белых праздничных одеяниях. Выйдя из хоровода, чтобы не сбивать его четкий ритм, рядом встали Александр Иванович и Борис.

— Красивый народ, — с восхищением сказал Александр Иванович.

Борис чуть кивнул, добавил:

— Хорошо пляшут. Как на моей родине!

— Ничего, друзья, уже скоро. — Степан обнял Александра Ивановича и Бориса за плечи. — Еще дня два, потом двенадцать часов полета на аэрофлотовском самолете — и здравствуй, Москва! Как же мы без тебя стосковались!

— Ну вот, не успел на минуту оставить, как вы уже в Москву улетели, — сказал подошедший Йоханнес, разгоряченный костром и танцами. — Но придется вас вернуть на здешнюю землю, тем более что нам пора в дорогу.

— А как же «демера»?

— Она никуда не денется, здесь будут гулять до утра. В общем, есть время, чтобы выполнить нашу с Демиссие программу.

— Что за программа? — первым поинтересовался Степан.

— Мы на прощанье хотим повезти вас в знаменитый ресторан с эфиопской кухней «Три тукуля», чтоб вы отведали лучшие наши блюда. Просьба — не отказывайтесь, уже сделали там заказ.

— Какое отказываться, — взмахнул рукой Степан. — Спасибо вам большое. Мы с Александром Ивановичем и Борей как раз и хотели познакомиться с вашей знаменитой кухней. Ведь без этого жалко уезжать, да и нельзя без нее доподлинно узнать Эфиопию и эфиопов.

— Вот и чудесно. Сейчас Демиссие вернется с соседом — тот обещал подвезти нас на своем «пежо».

В ожидании машины Степан под грохот барабанов и шум праздника успел рассказать о недавно прочитанных им двух книгах. Автор одной из них, «Эфиопы — знакомство со страной и народом», Эдвард Уллендорф, назвал блюда эфиопской кухни «превосходными, крайне вкусными, восхитительными». Не менее категорична была и Нэнси Донован. В книжке «Национальная кухня Эфиопии» она написала: «Эфиопы славятся как гостеприимством, так и своими национальными блюдами. Эти блюда за свои превосходные качества пользуются заслуженной мировой репутацией, не пропустите возможности попробовать их, находясь в Эфиопии».

— Вы не считаете, что это прямое обращение к нам? — закончил, улыбаясь, Степан.

— Считаем, считаем, — заулыбался и Александр Иванович. — Я при моем чревоугодии — так больше всех. Тем более здесь, в Аддис-Абебе, я уже видел множество битком набитых, видно, процветающих, харчевен и ресторанов. Оттуда идет такой аромат, слюной изойдешь.

— К чести нашей кухни, — вставил Йоханнес, — нужно сказать, что она без всякого вреда для себя пережила все иностранные влияния.

В Эфиопии не произошло того, что было в других африканских странах, где французские, португальские или английские блюда часто «съели» своих местных конкурентов.

Негромко просигналила машина за оградой.

— Вот и Демиссие, — обрадовался Йоханнес.

Шоссе, ведущее к городскому аэропорту Боле, в этот час было пустынным. Сразу после очередного поворота, за мостом через речушку, в свете фар замаячили три огромных соломенных купола над цилиндрическими постройками — гигантскими копиями хижин-тукулей.

— Вот мы и прибыли, — радостно потер руки Йоханнес, — наши знаменитые «Три тукуля».

Вслед за всеми Степан переступил порог «Тукуля» и замер, лишь вертя головой из стороны в сторону. Не в музей ли он попал? На стенах, полу, деревянных колоннах — всюду были развешаны, расставлены, приторочены маски и кожаные щиты, ковры с диковинными зверями, плетеная утварь, бронзовые кресты и украшения, музыкальные инструменты. Казалось, все эфиопские ремесла были представлены здесь. Явно довольные тем, что так удивили гостей, Демиссие с Йоханнесом повели их к стене, где стояли низкие трехногие эфиопские стулья с круглыми вогнутыми сиденьями. Все сели, хотя стола поблизости не было. И тут же Степан увидел официантов, шествующих к ним. В руках у одного из них — металлический тазик и кувшин. Но второй — что за странный ярко раскрашенный гриб, в половину человеческого роста, несет он сюда? Гриб водружен подле стульев, и Демиссие тут же объяснил:

— Это «мэсоб» — эфиопский стол, плетенный из крашеной соломы. Нижний большой конус — подставка стола, а верхний, видите, крышка. — И он чуть приподнял за выпуклый верх пеструю, в красно-зеленых ромбах, соломенную крышку, похожую на причудливую шляпу. Из-под нее заструился легкий, душистый пар. Тут же опустив ее, Демиссие кивнул на стоящего перед ним официанта с кувшином и тазом. — Мойте руки, да как следует: у нас вилки и ложки не предусмотрено.

Только после этой процедуры и тщательного обтирания рук длинным полотенцем с вышивкой с «мэсоба» была снята крышка. Перед гостями, на плетеной столешнице, прямо на соломе, лежали стопкой блины невиданных размеров — с хорошее тележное колесо. Поверх них громоздились горки из кусков дымящегося, пряно пахнущего мяса, крутых яиц, творога. Огромные кислые блины — это и был эфиопский хлеб «инжера». Степан не раз видел, как его пекут эфиопские женщины: на жаркие уличные очаги ставится большая железная или глиняная сковорода — «могого». Когда она раскалится, на нее ловким движением выплескивается жидкое тесто из муки тэффа. Этот хлебный знак — его еще зовут эфиопским просом —

культивируется только в Эфиопии. Сверху «могого» накрывается крышкой. Один из секретов хорошей «инжеры», объяснила ему как-то эфиопка близ Дамбо, — две крышки. Нужно накрывать пекущийся блин, чтобы он румянился с двух сторон, заранее прокаленной на огне крышкой, меняя ее, как остынет, второй, подогретой на соседнем очаге.

Когда Степан вслед за эфиопами оторвал кусок «инжеры» и начал жевать, он оказался душистым и нежным. Кислота его несколько смягчала огненную пылкость «доро-вота», лежавшего на «масобе». «Вот» — сердце эфиопской кухни — блюдо, остро приправленное красным перцем, которое готовится из мяса, рыбы, иногда овощей. «Доро-вот», или «куриный вот», который предложили в «Трех тукулях», был великолепным. Степан это сразу понял — после первого же глотка у него из глаз брызнули слезы. Рядом переводил дух Александр Иванович, мотал головой, обливаясь слезами, Борис... Судя по смеху Йоханнеса и Демиссие, они приняли эти слезы за безмолвное выражение восторга. Но тут же, пододвинув темные глиняные сосуды в форме колбы с вытянутым горлышком — «бырыле», — эфиопы дружелюбно предложили:

— Пейте, это «тэдж», он вам поможет.

Терпкая янтарная жидкость, правда, не сразу, но притушила огонь внутри. «Тэдж» — эфиопское вино из перебродившего меда — особый сорт медовухи. Когда-то оно считалось здесь царским напитком, и подданным императора, за исключением придворных и сановников, запрещалось его пробовать под страхом наказания. Сейчас возле многих деревенских домов в Эфиопии встречаешь деревья с длинными плетеными соломенными цилиндрами на ветвях. Это ульи, источники меда, который почти полностью идет на изготовление напитка — «тэджа».

Подняв свое «бырыле» с «тэджем», Йоханнес оглядел застолье и, обняв за плечи сидящего рядом Степана, сказал:

— Я предлагаю тост за вас, дорогие «хакимы», за вашу великую страну! Спасибо вам за благородную работу, за тысячи спасенных жизней в нашем Дамбо. Вы навсегда в наших благодарных сердцах.

— За дружбу наших народов! — добавил Степан, поднимая свое «бырыле».

Все разом пригубили эфиопский напиток.

Благодаря «тэджу», «инжере», а также пресному творогу, который был щедро насыпан рядом с перечным «вотом», знакомство «хакимов» с эфиопской кухней становилось более тесным. По примеру эфиопов они отрывали большие куски «инжеры», заворачивали в них порции огненного мяса, тут же запивая их из «бырыле». Йоханнес выискал особо лакомый, красный от перца ломтик мяса и засунул его в рот Степану. Тот не сопротивлялся, зная, что, по эфиопскому этикету, это было выражением особого уважения к нему, однако был рад, что в руке у него оказалась «бырыле» с остатками прохладного «тэджа».

Чуть позднее официант поднес на огромном серебряном блюде «берыдо» — отборные куски сырой говядины с прожилками желтого жира.

— Бэка! «Хватит!» — Это амхарское слово вырвалось у Степана почти произвольно.

Действительно, для первого раза достаточно. За Степаном от нового угощения поспешно отказался и Александр Иванович. Только Борис обмакнул кусок мяса в «берберу» — острый местный красный перец, отправил его в рот и тут же поднял вверх большой палец: мол, здорово!

В три голоса и от души «русские хакиды» благодарили гостеприимных хозяев. От их слов заулыбались Йоханнес с Демиссие, всем своим видом выражая полное удовлетворение.

Гостеприимство у эфиопов, как и у русских, чувство врожденное, глубоко укоренившееся, выражаемое поэтической фразой: «Гость — это праздник дома». В самой глухой эфиопской деревне, несмотря на нужду, с вами, если вы пришли как друг, поделится последним, предложив при этом лучший кусок. Или чашечку ароматного кофе — любимого напитка на древней родине кофейного зерна.

В «сини» — особых чашечках из черной керамики — подали кофе в завершение трапезы в «Трех тукулях». Перед этим зерна свежего эфиопского кофе на глазах Степана и его товарищей медленно обжарили на противне над углями. Нежный аромат эфиопского кофе плыл по залу. Затем маслянистые зерна бросили в особую ступу, тщательно растерли с душистыми корешками и гвоздикой в мелкую пыль, ссыпали в черный керамический кувшин с водой. Он потом долго благоухал на очаге, пока не доспел, и гости получили по чашечке густого и ароматного напитка. Словно в подарок на прощание от страны друзей, которая навечно останется в сердцах «русских хакимов».

СОДЕРЖАНИЕ

Трудное начало	3
Встреча с «шифтой»	6
У родника	12
Стервятник из Готто	19
В Эфиопии говорят по-русски	23
Цена человека	28
Праздник на прощанье	37

Вадим Иванович Лобаченко
РУССКИЕ ХАКИМЫ В ЭФИОПИИ

Редактор **Л. М. Наточанная.**

Технический редактор **Е. Н. Щукина.**

Сдано в набор 26.03.81. Подписано к печати
05.06.81. А 00388. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага
газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-
изд. л. 3,03. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1273.
Зак. № 444. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

Цена 20 коп.

Индекс 70668

«МЕРИДИАН» — О НОВОСТЯХ ПЛАНЕТЫ

Высшей категорией качества отмечен восьмидиапазонный транзисторный радиоприемник «МЕРИДИАН-210».

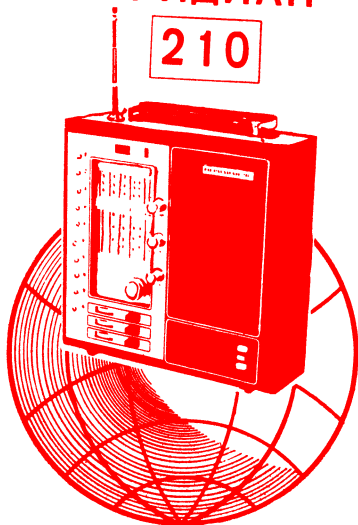
Высокая чувствительность и отличная избирательность «Меридиана» гарантируют четкий и уверенный прием самых отдаленных радиостанций.

Фиксированная настройка на три станции в диапазоне УКВ, универсальное питание—и от сети, и от элементов «373», индикатор годности автономных источников питания, удобное кнопочное переключение диапазонов— вот достоинства этой модели.

Цена приемника—141 руб.

МЕРИДИАН

210

ЦКРО «Орбита»